
С.М. Толстая

ПОЛЕСКИЕ ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЕВЕРНОРУССКИМИ

Источники, состояние изучения, задачи. Начало систематическому собиранию и изучению славянских похоронных причитаний положил знаменитый трехтомный сборник Е.В. Барсова «Причитанья Северного края» (Барсов 1872–1885), более века спустя переизданный в двух томах Б.Е. и К.В. Чистовыми (Барсов 1997); в XX веке появились классические сборники и исследования, посвященные восточнославянским и южнославянским (сербским и болгарским) похоронным причитаниям, перечень основных из них до середины 90-х гг. XX в. дан в статье «Голошение» в словаре «Славянские древности» (Толстой 1995); собирание и изучение текстов этого жанра продолжалось и в последующие годы (из наиболее важных работ см. Невская 1993; СМЭС 2; Адоньева 2004; Микитенко 2010; Коваль-Фучило 2012; Коваль-Фучило 2014; Югай 2019).

М.К. Азадовский в «Ленских причитаниях» (Азадовский 1922: 10) отмечал: «Знаменитый сборник Е.В. Барсова заслонил собою не только в глазах рядовых читателей, но и исследователей все остальные материалы, – и по этому сборнику характеризовалось и характеризуется все русское причитание. Между тем причитания, записанные и собранные Е.В. Барсовым, значительно отличаются не только от малорусских или белорусских, но даже и от прочих севернорусских» (цит. по Чистов 1997/1: 413). На особый тип севернорусских причитаний, их отличие от украинских и белорусских (прежде всего развитие свадебной причети, практически не характерной для остальных восточнославянских традиций, а также богатую систему поэтических тропов), их относительно поздний характер (так называемая поздняя архаика) не раз обращали

DOI: 10.31168/91674-564-1.13

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

внимание исследователи, видевшие причину этих особенностей в длительном контакте севернорусского населения с финно-угорскими народами, имеющими богатую поэтическую традицию причитаний, в том числе свадебных (Чистов 1982). В связи с проблемой генезиса севернорусской причеты, соотношения в ней славянского и финно-угорского элемента была поставлена задача «развернутого сопоставительного анализа» традиций русского и финно-угорских народов, живущих много веков бок о бок на северо-востоке Европы: «Эта сложнейшая проблема потребует еще много времени и усилий, прежде чем будет прояснена в своей исторической конкретности» (Там же: 110).

Но очевидно, что столь же актуальна и задача сопоставления севернорусской традиции причитаний с инославянскими, и прежде всего с украинской и белорусской. Задача сравнительного изучения восточнославянских причитаний была поставлена в диссертации В.И. Харитоновой (Харитонова 1983), где на основе «манеры исполнения причитаний, напева, стиховых конструкций и акцентация стиха» были выделены три зоны – северная, центральная и южная (с дальнейшим делением на подтипы) – и очерчены на карте ареалы этих типов. На актуальность сравнительно-исторического изучения восточнославянских причитаний обращал внимание К.В. Чистов (1985). В настоящее время имеется достаточная эмпирическая и исследовательская база для подобных сравнительно-исторических разысканий как со стороны севернорусской традиции, так и со стороны украинской и (в меньшей степени) белорусской.

Можно думать, что свою роль в прояснении этого вопроса может сыграть и анализ полесских причитаний, которые до сих пор специально не изучались. Первую попытку определения их специфики на общевосточнославянском фоне (по указанным выше признакам) предприняла та же В.И. Харитонова в небольшой статье (Харитонова 1986). В настоящей работе ставится задача рассмотрения полесских причитаний на восточнославянском фоне, и прежде всего в сопоставлении с севернорусскими, с точки зрения жанровой и содержательной структуры текста, т. е. его семантики и прагматики.

Совокупный корпус полесских похоронных причитаний представлен в двух основных источниках – в антологии украинских причитаний И. Коваль-Фучило (Коваль-Фучило 2012) и сборнике белорусской серии «Беларуская народная творчасць» «Пахаванні, памінкі, галашенні» (ППГ). Первый источник включает опубликованные материалы по украинскому Полесью (с конца XIX в.), записи из Полесского архива Института славяноведения РАН и других архивов, а также новые полевые материалы автора (всего 289 текстов, № 505–794); далее при цитировании тексты из этого источника обозначаются буквой Г (т. е. «Голосіння»).

Второй источник содержит тексты похоронных причитаний из белорусского Полесья (всего 92 полесских текста: № 7, 10, 11, 52, 61, 96, 110, 113, 123, 128, 132, 136, 139, 141, 143, 152, 153, 164, 166, 167, 172, 178, 182, 183, 191, 197, 198, 303, 214, 223, 224, 226, 240, 241, 258, 261, 266, 267, 268, 285, 290, 298, 300, 305, 306, 307, 323, 328, 332, 333, 334, 335, 339, 350, 353, 357, 360, 363, 370, 373, 374, 375, 376, 400, 401, 403, 404, 407, 411, 415, 433, 436, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 451, 461, 464, 466, 469, 470, 476, 483, 488, 489, 492, 498, 499; к сожалению, они приводятся не в оригинальной записи, а в литературной белорусской форме, что для Полесья особенно досадно); далее они обозначаются буквами ППГ перед номером текста в антологии (кроме старых записей П.В. Шейна, Д.Г. Булгаковского и др., особую ценность представляют записи из дипломной работы Н.И. Корольчук, сделанные в с. Могильное Столинского района Брестской обл., вероятно, в родном селе собирательницы, – всего 32 текста голошения). Дополнением к ППГ служат единичные белорусские записи из Полесского архива (они имеют помету ПА), а также небольшая подборка причитаний из книги (Сысоў 1995) (13 гомельских текстов из 24, помечаются буквой С); к сожалению, новых записей белорусских полесских похоронных причитаний совсем немного: 4 текста опубликовано в сборнике «Традиционная художественная культура Белоруссии» в томе, посвященном Брестскому Полесью (Варфаламеева 2008), и в томе, посвященном Гомельскому Полесью (Варфаламеева 2012). Севернорусские тексты помечаются буквами Б (Барсов 1997/1), Е (Ефименкова 1980), А (Адоньева 2004), РПК, Ю (Югай 2019).

Наиболее заметное отличие севернорусской традиции причитаний, кроме развитых поэтических приемов, составляют свадебные плачи, очень слабо представленные на остальной восточнославянской территории, а также некоторые специфические мотивы, как, например, приглашение умерших в баню, мотив потери и поисков покойника, мотив прощания с белым светом и др., о чем пойдет еще речь дальше.

Текст и обряд. Причитания изучались прежде всего в аспекте их этнографического контекста и со стороны поэтики, мифологического содержания (представлений о смерти и потустороннем мире), символики и поэтических приемов выражения скорби и горя, отчасти (но не систематически) по другим параметрам и довольно редко в ареалогическом, сравнительном и генетическом плане. Традиционно похоронные причитания трактуются как составная часть погребального обряда, как его вербальный код, ср. (Невская 1993: 3). Это верно лишь в отношении прагматики причитаний, т. е. их закрепленного места в структуре обряда и ритуальных регламентаций их исполнения. Что же касается семантического плана, т. е. состава мотивов и способов их выраже-

ния, то причитания не только не тождественны обряду и связанным с ним верованиям, но в определенной степени противопоставлены им. А.Н. Веселовский в своей статье о сборнике Барсова замечает: «Мертвый стал опасен, и в то время как в причитаниях ему еще дружелюбно предлагают вернуться домой, – в обрядах его возвращения боятся. Так я понимаю обычай отворачивать оглобли от саней, на которых везли труп, или даже топить сами сани в воде» (Веселовский 2004: 55–57). Это означает, по его мнению, что «степень интенсивности, с которой язычество, с одной стороны, обнаруживает себя в обрядах, а с другой стороны, в этих плачах, разная: в последних оно, скорее, блеклое или даже совсем невыраженное, тогда как в обрядах, напротив, не теряет своего значения в наши дни» (Там же: 47)². На это различие между обрядом и текстом обращает внимание и К.В. Чистов в своем послесловии к сборнику Барсова: «[А.Н. Веселовский] показал, что семантически и по составу своих стереотипов похоронный обряд и верования, связанные с обрядом, значительно архаичнее причитаний, хотя и составляют с ними ритуальное единство» (Чистов 1997: 438).

В самом деле, одной из главных целей погребального обряда является «отделение» умершего от мира живых, восстановление границы между миром живых и миром мертвых, нарушенной событием смерти (отсюда многочисленные действия, направленные на то, чтобы покойник «не ходил», – связывание ног, разрезание ступней, переворачивание мебели, засыпание дороги, запрет оглядываться по пути к кладбищу, заваливание могилы камнями и многие другие (Толстая 2006)), соответствующие вербальные формулы, например, костром. «Вот тебе место, вот тебе приданое, ты к нам ни ногой, а мы к тебе будем ходить» (Сурикова 2018: 7). Никакого намека на этот мотив мы не найдем в причитаниях. Напротив, один из самых частых вопросов в причитаниях – «когда нам тебя ждать?», «откуда ты к нам придешь?» и т. п.³ Веселовский обращает внимание на то, что в причитаниях никак не отражены представления о загробном мире, имеющие столь важное значение для верований; «мы не находим в содержании плачей даже какого-нибудь намека на обычай, продолжающий бытовать в некоторых областях: выносить покойных не через дверь, а через окно» (Веселовский 2004: 47). Ср. еще о различии между обрядом, верованиями и причитаниями Коваль-Фучило 2014: 305–306.

² См. об этой статье также Чистов 1990.

³ Иначе смотрел на это Веселовский; он считал, что обряд допускает возвращение: на поминальные столы ставят посуду и еду для умерших, тогда как причитания отвергают приход, считая его невозможным (см. об этом Чистов 1997: 438–439).

Коммуникативная ситуация и жанровая природа причитаний.

Тексты причитаний вообще и полесские тексты в частности представляют собой подобие частных писем, обращенных одним членом семейного клана к другому (умершему). Они построены по эпистолярному типу: это монологи, начинающиеся, как и личные письма, с обращения, выдержанного в стереотипной этикетной форме, и основного содержания, представляющего собой цепь относительно автономных блоков разной степени обязательности, которые могут монтироваться в тексте причитания достаточно свободно (т. е. порядок их следования может меняться). Аналогичную структуру имеют, например, древнерусские новгородские письма на бересте, в которых выделяются «этикетная часть», включающая адресную формулу и почтительное обращение к адресату, а также заключительную формулу вежливости, и – «содержательная часть», включающая собственно сообщение⁴ (Зализняк 1987: 148–149; см. также Гиппиус 2004). «Эпистолярный» характер причитаний отметила также исследовательница вологодских причитаний Е.Ф. Югай, назвавшая свою книгу «Челобитная на тот свет» (Югай 2019), имея, однако, в виду не столько структуру причитаний, сколько их общую адресованность тому свету. С письмами и грамотами причитания сближает и то, что плачя именуется себя *сиротой*, *сиротинкой* (кем бы она ни была – дочерью, вдовой, матерью, сестрой умершего) – именно так часто обозначали себя отправители древнерусских грамот-челобитных, обращаясь к вышестоящему адресату⁵.

«Эпистолярность» характерна как для похоронных, так и для поминальных причитаний: в обоих случаях это обращения прежде всего к умершему, хотя в других отношениях эти виды причитаний различаются (прежде всего составом мотивов). Подобно берестяным грамотам, челобитным и вообще эпистолярным текстам, причитания начинаются с обращения к адресату (своего рода этикетной формулы), далее следует «содержательная» часть, то есть то, что передается адресату. В этом отношении (как и во многих других) полесские причитания резко отличны от севернорусских – они сплошь «апеллятивны» (если пользоваться термином Д. Айдачича), т. е. состоят практически из одних лишь «адресованных», иллокутивно маркированных высказываний, требующих

⁴ Под сообщением здесь понимается не только собственно сообщение какой-то информации, но и любые другие отличные от этикетных прагматические разновидности речи: просьбы, вопросы, пожелания и т. д.

⁵ Ср. значения слова *сирота* в древнерусском языке: 1. ‘сирота, сын или дочь, оставшийся без обоих или одного родителя’; 2. ‘слуга, холоп’; 3. ‘крестьянин’; 4. ‘нищий’ (СДРЯ 11: 161–163). См. также о понятии *сирота* в фольклоре: Адоньева 2004: 216–227.

от адресата ответной реакции словом или действием, т. е. из вопросов, просьб, требований и т. п., а не собственно сообщений о каких-либо событиях или фактах, тогда как севернорусские причитания нередко содержат «нарративные» (подчас весьма пространные) вставки (их иногда называют эпическими) и метатекстовые вкрапления, раскрывающие действия и эмоции самой причитальщицы. Ср.: *Выхожу я, сиротиночка, На широкую на улочку, На разъезжую дороженьку. Попущу я свой зычён голос По заре да по вечёровой.* Ю 47; *Расскажу-ко я, маменька, Получила горющица, Да невесёлую весточку, От родимого ладушки, Да стеновую картиночку... Не заносили ноженьки, Не заносили резвыё, Стала я запинаться, Да за каждую глыбинку, Да за каждую щепинку. Не заробили рученьки, Не заробили белые, Да работы тяжёлые.* Ю 404; *Как по сегодняшнему денечку Я ставала поранешенько На крестьянскую работушку, Но мне не елося, не пилося, Мое сердечушко крушилося. Мне работушка на ум не шла.* РПК: 64.

Кроме того, севернорусские причитания часто адресованы не только умершему, но и живым лицам – родственникам, соседям, гробовщикам (РПК: 70–71), могильщикам, священнику, Богородице (РПК: 68–69) и даже персонифицированной Смерти. В полесских текстах таких нарративных и метатекстовых элементов почти не встречается, и, за несколькими исключениями, они обращены к одному адресату – умершему. Лишь в редких случаях адресатами оказываются другие лица – **дети-сироты** (плачи о муже: *Дзеткі мае галубяткі! Большы ж нам бацькі не відаць* ППГ 214; *Сини мої дорогі, а ви в мене малиї, як ви житимете?* Г 535; **соседи-односельчане** (плач о детях: *Ох, люданькі, мілыя, чаму я ў бога така нешчасліва?* ППГ 267), **братья и сестры** (плач о матери: *Братіки мойі, соколята, братіки мойі яногоята, Братіки мойі недолугы, братіки мойі недосугы! Ой просіть же вы своєю матюнки, просіть же вы своєю порадоньки, А нехай же вам, мойі братіки, и порадоньку даюць, Нехай же вас наўчаюць, нехай же вас пораджаюць, мойі братіки. Сестрыці, мойі зозулькі, сестрыці, мойі кавулькі! Ой, просіть же вы своєю матюнки...* Г 509) или **ранее умершие родственники**, которых просят позаботиться на том свете о новопреставленном (плач о сыне: *Матюнка мая рідная, стрічай мого сіночка...* Г 531; плач о дочери: *Мае дзіця! Прыяй жа мне с таго свету, і сваім сёстрам, і сваім братам.* С 172) или укоряют за то, что они забрали его к себе: (плач о сестре) *Мамочка мая родненькая, Да на што ж ты забрала от менэ мою сестрычку?* ПА (см. Приложение, № 4); см. также Г 590, Г 638, Г 735, Г 757. В нескольких случаях адресатом обращения оказывается **Бог**: *Ой, Господзі, Господзі вусокій! На што ж ти мою матку взяв? Ой на што ж ти, Господзі, сірот паробив? Ой, Божухно, Божухно, вусокій! Як ти сіроціе сльози любіш...* Г 606

Таким образом, полеская коммуникативная ситуация причитания в принципе не отличается от канонической (элементарной) коммуникативной ситуации, требующей наличия отправителя сообщения и адресата, находящихся в одно и то же время в одном и том же месте. Однако каноническая ситуация предполагает, так сказать, «равные права» отправителя и адресата; здесь же это правило резко нарушается, поскольку адресат лишен возможности не только ответить, но и воспринять адресованное ему высказывание. В этом смысле причитания представляют собой исключительное коммуникативное явление, сближающееся (по характеру соотношения отправителя и адресата) с письменным сообщением (с посылкой письма) с отсроченным или косвенным ответом (например, ответом действием), а также в определенной степени с молитвой (обращение к Богу или святому также не предполагает вербального ответа, но рассчитывает на «акциональный» ответ, т. е. изменение ситуации в пользу молящегося). Эта особенность коммуникативной ситуации причитаний – «безответность»⁶ обращения к покойнику – составляет главный «нерв» этого жанра, его прагматическую и семантическую специфику, превращающую все речевые формы причитания в некие условные формулы, имеющие не прямое, а косвенное значение. Однако, подобно молитве, они рассчитаны на будущее благорасположение покойника по отношению к живым.

В упомянутой статье А. А. Зализняка в содержательной части берестяных писем выделяются два класса высказываний: один – в котором действующим лицом (агентом) является автор (говорящий, отправитель), другой – в котором говорится об адресате; первые обозначаются как EGO, вторые – как TU: «Необходимость выделения классов EGO и TU определяется тем, что берестяные письма, как правило, почти целиком посвящены событиям с автором и/или адресатом; речевой жанр письма обычно отражается прежде всего в характере соотношения ходов классов EGO и TU» (Зализняк 1987: 162). Этот параметр, т. е. соотношение высказываний типа EGO и типа TU, оказывается в высшей степени релевантным и для текстов причитаний. По этому признаку противопоставляются полесские и севернорусские причитания: в последних доля высказываний типа EGO значительно выше высказываний типа TU, тогда как в полесских текстах такого явного превышения нет.

Когда речь идет о коммуникативной ситуации, нельзя не обратить внимание на зеркальность похоронных причитаний по отно-

⁶ Ср. в вологодском плаче: *Уж пойду я, сиротиночка, – ой, заплачу: Уж ко углу ко переднему, Уж ко столу ко дубовому, Уж я ко телу-то белому, Уж ко языку безответному, Уж(ы) ко кормильцу-то батюшку...* (Адоньева 2004: 199) (выделено мною. – С. Т.).

шению к свадебным. В самом деле, в обоих обрядах происходит акт коммуникации между «уходящим» (невеста в свадебных причетах и умерший – в похоронных) и «остающимися» (родители невесты в одном случае и осиротевшие родственники в другом); в обоих случаях главным персонажем оказывается «уходящий», но в свадебных плачах говорит как раз «уходящий» (невеста), и его упреки обращены к остающимся (родителям, родственникам), а в погребальных, наоборот, говорит «сирота», упрекающая и вопрошающая умершего. И в обоих случаях причитания (вопросы, упреки, призывы) остаются безответными.

Речевые жанры причитаний. В отношении речевых жанров тексты причитаний неоднородны. В силу общей коммуникативной природы плачей их речевая форма далеко не тождественна их прагматическому смыслу, иначе говоря, содержащиеся в них высказывания чаще всего имеют не прямой, а косвенный характер. По формальным признакам (прежде всего по формам предикатов) в них нетрудно выделить типовые речевые жанры: одни из них представляют собой прямые **вопросы** плакальщицы к умершему («куда ты собрался?»; «откуда нам тебя ждать?»; «кто меня теперь пожалеет?»), другие – **упреки и жалобы** в форме «сообщений» и вопросов («умираешь, а меня бросаешь с детками», «что ж ты не научил нас, как без тебя жить»; «на кого же ты нас покинул»; «зачем ты меня бросила одну на свете горевать»; «чем я тебе не угодила»; «никто мне теперь правды не скажет»; «я тебя кормила и поила, а ты не захотела со мной жить»), **пожелания, просьбы** в императивной форме («возьми меня с собой»; «проси Господа, чтобы и меня забрал с тобой»; «будь здорова, моя мамонька»), **поручения, побуждения** к действию, **приглашения** («встань хоть на минуту», «приходи ко мне в гости», «прийди ко мне и приведи с собой моего хозяина (ранее умершего)»), **прощание** («прощай, сыночек мой дорогой», *Прощай, мій таточку* Г 514; *последний раз тебя вижу, последний раз с тобой говорю; Добрануч, добрануч, моя дружинонько!* Г 555), **просьбы о прощении** (*Да звынить, моя матюнько, на мене* Г 509; *Извынить, муй братику, извинить мыни, муй соколыку* Г 510; *Ой мамочко, прости мене й вибачайте мене* Г 578), **выражения благодарности** (*Дякую тобі, моя мамочко, за твою роботу, за твоє й годуване, за твоє шкодуване* Г 693) и т. п. Однако чаще всего мы встречаемся с жанровой неопределенностью или косвенной, вторичной семантикой высказывания: например, вопрос, как правило, не является вопросом в принятом смысле слова, поскольку не предполагает ответа, а может выступать в функциях самых разных речевых и коммуникативных жанров – упрека, просьбы, побуждения и т. д. Вопрос является самой характерной для причитаний, по существу универсальной формой об-

ращения к адресату, наделенной многообразными прагматическими и семантическими функциями⁷.

Структура текста причитаний. Многие исследователи и собиратели восточнославянских причитаний, а также сами носители традиции (исполнители) настаивали на том, что плачи – это спонтанное выражение горя и скорби (ср. «научит горе плакати» – Югай 2019: 99), переживаемых при прощании с близкими, что это не выученные, усвоенные тексты, а непосредственное излияние чувств, что трагическое ощущение потери близкого человека само вызывает к жизни голошение. Нисколько не подвергая сомнению психо-физиологической природы плача, нельзя тем не менее не видеть, что душевные переживания плакальщиц выливаются в строго определенные жанровые и языковые формы, предписываемые традицией, с использованием стереотипных поэтических приемов. Поэтому мы можем говорить о достаточно устойчивой структуре текстов причитаний даже в тех случаях, когда они представлены не развернутыми, объемными, многоплановыми, эпически окрашенными и поэтически совершенными олонецкими причитаниями, как в сборнике Барсова, а неполными, отрывочными или неточно записанными текстами, как полесские причитания. При всех различиях в них можно обнаружить не только общую семантическую основу, но и сходную конструктивную модель и общий набор основных мотивов.

⁷ Интересно, что в новгородских грамотах вопрос не только не является универсальным жанром, но и вообще почти отсутствует. А.А. Зализняк приводит следующий список характерных для грамот речевых жанров: «1) Побудительные речевые жанры – просьбы, приказ (распоряжение), совет; с некоторой долей условности сюда же можно отнести просьбу о прощении (извинение); 2) непобудительные – сообщение, жалоба, упрек, опровержение, отказ, угроза, обещание. (Что касается речевого жанра вопроса, то он, как это ни парадоксально, в материале берестяных грамот почти отсутствует)» (Зализняк 1987: 160–161). Ср. еще: «Характерной текстовой особенностью берестяных писем является то, что в них почти не встречается подлинных вопросов (т. е. нет речевого жанра вопроса). При этом вопросительные по форме предложения не так уж редки, но практически все они в действительности выражают побуждение к действию <...> или упрек <...>. Там, где мы могли бы ожидать подлинного вопроса (т. е. требующего ответа), авторы берестяных писем обычно используют побудительную конструкцию в сочетании с косвенным вопросом, т. е. как бы обнажают этот элемент побуждения к ответу, который заложен в любом подлинном вопросе <...>. Можно думать, что такое “разложение” вопроса тоже в некоторой мере связано с практичностью мышления автора берестяного письма: он сразу же предусматривает реальный способ, которым он может получить ответ» (Там же: 180–181).

Как и в новгородских письмах на бересте, в восточнославянских причитаниях можно выделить «этикетную» часть, или адресную формулу, т. е. зачин, представляющий собой обращение к умершему, и «содержательную» часть, раскрывающую суть, причины, мотивы и цели обращения. При этом, в отличие от новгородских грамот, в восточнославянских причитаниях обычно нет этикетной концовки – заключительной «формулы вежливости»; они могут либо завершаться повторением призыва-обращения, либо просто обрываться после очередного содержательного блока. Однако в некоторых полесских причитаниях мы встречаемся с необычной для этого жанра прощальной концовкой, например, *Дубрануч, дубрануч, моя дружынойко щіра-міла*. Г 555; *На добрануч, доньньо, на дубрануч*. Г 562; *Добрануч, добрануч, кгосподару!* Г 563; *Ой на добрануч, муй міленькій*. Г 559; *Спокойной же тобі ночі!* Г 715; *Дабранач, брацейка!* ППГ 400; *Бувай здорова, моя мамойко!* Г 557; *Ой будь здоров, муй татойку!* Г 558; *Прощай, наша мила матюно!* Г 569.

Рассмотрим подробнее эти составные части причитаний.

Вокативные формулы и их структура. Обращение в полесских текстах причитаний чаще всего начинается с междометия «А», «Ой» или «Ох», которое нередко повторяется в начале каждого стиха или отдельных стихов или в конце всего текста. Оно произносится с особой (призывной) интонацией. Примеры: *А мая ж ты мамачка, А мая ж ты міленькая, А як жа ты памярла, А каму ты аставіла сваіх дзетачкаў? А мамусенька міленькая...* ППГ 116; *А мой ты татулечка* ППГ 25; *А мой жа ты татачка, а мой жа ты родненькі!* ППГ 33; *Ой, мая мацюнка, Ой і мая родная* ППГ 152; *Ой-ой-ой! Ой, мая ж ты дочанька! Ой, маё ж ты золатка!* ППГ 353 и т. п. (в письменной передаче следовало бы в соответствии с интонацией ставить запятую после начального междометия «А», поскольку оно имеет свою особую функцию, однако в цитируемых публикациях запятая обычно отсутствует). Этот призыв в высшей степени органичен жанру причитания как магическому гологовому каналу связи между мирами, он окрашивает своей интонацией и даже тембром весь остальной текст голошения и нередко повторяется на протяжении плача несколько раз, скрепляя весь текст⁸.

За этим междометием-выкриком-призывом следует соответствующий **термин родства**, часто в уменьшительно-ласкательной форме и в сочетании с разного рода эпитетами, такими как *татанька, татулечка, таточко, мацюнка, мамочка, сястрынанька, дочанька; мое дитячко, мое миле* Г 506, *моя дитино, моя рідная* Г 506, *дитячко мое любое, птич-*

⁸ Аналогичные восклицания в той же магической функции характерны и для южнославянских причитаний (см. Толстая 2008: 474).

ка отлетная, пташка залетная Г 520, онуко моя малюсенькая Г 532, ой невісточко, нащо ты свою дружину такою молодою покинула Г 535, моя мамонько, моє сэрдэнько Г 561, моя доньынку, моя дытынонько Г 562, ај тешчо, тешчо, жінчина ј мати моја Г 577, ой, мая ж ты дочанька, ой, маё ж ты золатка! Ой, мая ж ты ненаглядная ППГ 353 и т. п.

Далее, как правило, следует «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ» эпитет, выражающий любовь, душевную близость, признание, преданность, особый для разных отношений родства (как правило, в экспрессивно окрашенной форме): голубчик ты мой, ты ж муй милэнькій Г 505, моя дитино, моя рідная Г 506, моя красавица, моя дочечка, моя стражденица Г 515, ой таточку, мій милесенький, як ми своє життя доживем.... ой, татуню мій біднесенький, мій замучений таточку Г 579, матюно наша старенькая Г 529, А дитяtko наша, а родинка, а родина наша, ой... Г 661, ой-ой-ой, ой, мая ж ты дочанька!, ой, мая ж ты ненаглядна! ППГ 353, хазяїн мой любенькі ППГ 191, ой, мамка мая залатая ППГ 166, ой-ой-ой, мая мамка, ой, мая ж ты даражэнька, ой, мая ж ты раденькая ППГ 71, ох, мой братко, мой родны ППГ 404, а мой родненькі, мой харошанькі ППГ 179. Иногда порядок может быть обратным – сначала термин родства, потом междометие и эпитет, могут меняться местами и другие компоненты вокативной формулы, ср. Ох мая ж голубочко, ох мая ж квіточко, А мая ж ляльочко, а мая донечко хороша, А мая ж молодая, а мая ж безспірная, А мая ж молоденькая, а мая ж рідненькая Г 669; Маманька мая, Верная мая, Зязюленька мая. Ох, наша мамуленька, Наша гадавальніца, Наша страдальніца ППГ 128.

К эмоциональным эпитетам близки встречающиеся и в полесских, и в севернорусских причитаниях метонимические наименования адресата через часть его тела или внутренний орган, всегда эмоционально окрашенные, например, (к матери) Мамка мая, галубка, глазки ж маи дарогие, так кагда ж я тебя побачу (см. Приложение 6); Ох, сынок мой залаты, Ох, сынок мой дарагі, Ох, ручкі мае дарагія, Ох, ножкі мае залатыя, Ой, дзе ж вы хадзілі, Дзе ж вы, ручкі, рабілі? ППГ 333; Сонечко мое ясное, Ручечки мои пышныя, Ножечки мои ходушечки! Находились твои ножечки, Наробились твои ручечки. Очечки твои карые, Надивились твои очечки, птичка моя отлетная Г 513; (к дочери) Моя дочечка, моя милая, Мое яблочко сахарное, Мои губочки пышныя! <...> Моя дочечка родная, Твои ручечки роботушечки – наробились они делечка. Прощай, прощай, моя дочечка, прощай, прощай, моя пчелочка! Г 515; (к мужу) Мойі ручке роботяцэ, мойі ножке проходяцэ. Последній разочок з тобою розмовляю Г 542; Моя мамонько, моя язуэдунько коханая! Ручэнькы обробылы, нужэнькы одходылы да вжэ на спокуой ідуць. Г 561; А те ножски, шо нам на роботу ходили, а те ручки, шо нам дело робили Г 647; А цэ сие ножски, шо ходили, А цэ сие ножски, шо мне дело

робили Г 649; то же Г 650; *Уже ж мои ноженьки находились, Уже ж мои рученьки наробились, моя головою розумная* Г 672; *Мамачка мая дарагая! Мамачка мая любімая! <...> Ручкі мае залатыя! Вочкі мае дарагая! А калі ж я буду паглядаць на Вас?* С. 164–165.

Следующие два элемента адресной формулы – два разных по семантике и функции эпитета: метафорический и «функциональный». **Метафорический эпитет** как в полесских, так и в севернорусских причитаниях семантически отсылает в основном к четырем символическим сферам: птичьей, растительной, животной, космологической (нередко используются одновременно эпитеты разных кодов). Примеры: **космологический код** – *ох, ты ж мое сонейко, ох, ты ж мое золотно, ох, ты ж муй місячик* Г 505, **птичий код** (условно относим сюда и пчел) – *tij hoľube, tij sokole* Г 507, *матюно, моя голубонько, моя зазулечко, моя кавулочко, моя орлечко, моя соколечко* Г 509, *братику муй голубчыку, братику муй орлыку, братику муй соколыку* Г 510, *моя птичко отлетная, птичка залетная* Г 512, *мамочка моя пчелочка, мамочка моя ластівочка, зазулечко моя луговая, сонечко мое ясное* Г 513, *мамочка моя пчілочка, мамочка моя ластівочка, зозулечка моя луговая* Г 513, *голуб мій сизый* Г 520, *Мае міленькі, Мой саколіку, Мой ты орліку, Мой ты харошанькі, Дзе ж ты дзеўся?* ППГ 182, *сізенькі мой ты галубочык* ППГ 214, *соколічак ты мой ясны* ППГ 290, *ох, мая ж дочачка, ох, мая качэчка шэра, ох, мая ічабятуха мілая* ППГ 375, *мая ж маманька, мая ж заўзуленька* ППГ 464. Очень редко встречаются животные образы (наряду с птичьими): *А мой жа ты баценьку, А мой жа ты родненькі, А мой жа ты лябедзіку, А мой жа ты салавейку, А мой жа ты кроліку, а як жа ты нас пакідаеш?* ППГ 10. Примеры использования **растительного кода**: *дочечка, моя пчелочка, яблочко мое недостп'лое, ягодка моя нездзрыг'лая, мое яблочко сахарное* Г 515, *сыночок, мій колосочек; сокол мій дорогій, сонечко мое праведное* Г 516, *ой, мое дытятко, моя цюпойко, мое ёблочко круглэе, ой, моя възшэнько чырвона, ой, зацвіла тай осыпалася! ой моя дытынойко, моя калынойко* Г 553, *доніно рыбыно! моя рабыно, моя еворыно* Г 556, *мій сынойку, моя дытынойко, мій дубочку нездзрыг'ляны* Г 547, *дзетачка мая родная, рожка ты мая чырвоная* ППГ 350, *мая ж сястрыца, мая ж каліна, мая ж ты з розы цвятко* ППГ 415.

Некоторые виды метафорических эпитетов специализированы и закреплены за отдельными категориями адресатов, например, растительные эпитеты относятся в большинстве случаев к умершей молодежи, причем древесные – к юношам, а цветочные к девушкам; это различие по полу может находить выражение и в птичьем коде: *Ах, мае дзетачкі родныя, ах, мае дзетачкі мілыя, ах, мае зязюлечкі-дочачкі, ах, мае сынкі-галубочкі* ППГ 268; (плач о сыне) *Ох, мой дубочак, малады і зялёны!* П 400. Птичьи эпитеты находят продолжение в мотивах полета

(ср. глаголы *отлетать*, *улетать* как типичные предикаты смерти, *прилетать* – как предикат посмертного возвращения), птичьего щебетания и др., о чем еще будет речь ниже.

Обращает на себя внимание то, что в севернорусских причитаниях подобные характеристики нередко относятся не к адресату, а к исполнительнице причитаний, ср. (плач по матери) *Ой, да оставила мамушка, Ой, да меня сиротиночку, Ой, не в пору, не во времечко, Ой, недорослую травоньку, Ой, недоцвелою цвितिку, Ой, незрелую ягоду* (Ефименкова 1980: 90). Эта особенность севернорусской причеты в сочетании с развитыми нарративными (эпическими) фрагментами причитаний, относящимися к плакальщице, свидетельствует о глубинном семантико-прагматическом различии между двумя традициями: если полесские причитания являются прямым обращением к умершему, то в севернорусских нередко об умершем говорится в третьем лице, а главным персонажем оказывается плакальщица.

«**Функциональный**» эпитет указывает на значение адресата в жизни плакальщицы, на его былую роль хозяина, кормильца, советчика, помощника, друга и т. п.: *слуга моя вірная* Г 506, *словечко мое вірне* Г 513, *сыночук, мій пахарочек* (т. е. пахарь), *синочек, мій косарочок* (т. е. косец) Г 518, *хазяїну мій дорогий* Г 525, *мій кнізю коханькій* Г 547, *гостік наш дальюкій, гостік наш глибокій* Г 609, *А моя ж голубонька, а моя ж старша головонька* Г 669, *ти ж була моя слуга, ти ж була моя вірная* Г 506, *тіj вірну друже* Г 507, *словечко мое вірне* Г 513, *моя работница* Г 515, *сын мій, хозяин дорогий* Г 516, *друг мій дорогий, друг мій вірний* Г 517, *ой наша добродійко* Г 532, *ох моя сястриця, моя порадиця* Г 538, *муй хозяїн коханий, муй жаданий* Г 539, *ой моя дружэнойко, мый гыстю коханий, мый гыстю жаданий* Г 542, *устань, господынько* Г 550, *дитя мое, кохано мое, миле мое, розмова моя* Г 596; (плач о дочери) *А моя ж старша головонька* Г 669, *ох, мая сястриця, ох, мая парадница, ох, мая совесница* ППГ 407, *Ой, мамачка мая, дарадчыца мая* ППГ 123, *А мой ты хазяїн, а мой ты кармілец* ППГ 203; *ох, мая панюхна* (т. е. жена, хозяйка – от пани), *ох, мая советница* ППГ 476, *ох, мая заступница* ППГ 375; *Йіваноньку-золото! Дружинонько щіра, міла моя* Г 555. Мотив «заслуг» умершего перед родными может быть отделен от обращения и составлять самостоятельный блок текста: *Ти ж була моя слуга, Ти ж була моя вірная!* (голошение по дочери, Г 506, Пинский пов., запись П. Чубинского).

Нередко вокативная формула объединяет разные элементы в одно целое: *Дочка мая родная, Ох, мая калінанька, Ох, мая малінанька, Ох, мая вішанька, Ох, мая ж дочка, Ох, мая качэчка шэрая, Ох, мая шчабятуха мілая, Ох, мая заступница!* ППГ 375. Как видим, в эпитетах отражается не только эмоциональное отношение к умершему родствен-

нику, но и его «заслуги» перед исполнителем голошения (заступница, советница, помощник). Особая интонация, частица *же* вместе с междометием *а!*, *ох!*, *ах!* передают эмоцию плача, страдания и горя.

Аналогичную структуру имеет вокативная формула в севернорусской (вологодской) причети, ср.: (плач о матери) *Моё красное солнышко, Моя лебедь ты белая, Голубушка сизая, Моя слуга-то ты вежая, Слуга-то сердечная* (Югай 2019: 347).

Отметим еще некоторые детали вокативной формулы причитаний. Одна из них – так называемое **почтительное «ты»**. Хотя к родителям у восточных славян традиционно обращались на «вы», в причитаниях по родителям и вообще старшим родственникам как в Полесье, так и на Русском Севере, как правило, употребляется форма единственного числа, например: *Бабачка, наша родная, Як наша маці ўмерла, То ты ж нам яе замяніла. Ты була нам і мамачка, і парадніца, і саветніца*. ППГ 436; *А татко мой голубчык, А татко мой соловейко. А работник мой золотый. А те ножки, шо нам на роботу ходили. А те ручки, шо нам дело робили. А ти нас, татко, годовал. А ти нас, голубчык, шкодовал. А коли ж ты до нас, татко придешь, А коли ми тебе будем выгледаати...* Г 647 (обращение на «вы» обычно встречается в поздних записях). То же самое характерно для севернорусской причети, ср.: *Ой, ты родимая мамушка! Ой, ты оставила, мамушка, Ой, ты малу да малёшеньку, ой, малую, недорослую, Ой недозрелую ягодку, Ой, ты меня да горющицю!* (Ефименкова 1980: 109). Такое обращение следует трактовать не просто как поэтический прием, но как способ почтительного обращения к умершему; подобное почтительное «ты» употребляется по отношению к Богу (в молитвах и иных обращениях).

Еще одна деталь языковой структуры причитаний – **избегание личного имени**. Эта черта особенно последовательно характеризует севернорусскую причеть; в полесских текстах личные имена адресатов (умерших) изредка встречаются, но это касается сравнительно поздних записей, по-видимому, в старой традиции причитаний они также отсутствовали. Термин родства служил достаточным знаком идентификации, и употребление личного имени было излишним, если не табуированным.

В отличие от полесских, севернорусские причитания, как правило, начинаются не с обращения к умершему, а с описания эмоций самой плакальщицы и рассказывают о том, как она узнала о смерти родственника, что почувствовала и т. п. Ср. (плач по дочери): *Как сегодным долгим годышком Перед этой злой обидушкой Унывало все ретивое сердечушко У меня да у позяблой бедной матушки!* Б 104; *Не несут да ножки резвые Во перёное крылечушко. По сегодняшнему денечку Мои ножки подломилися, От слез очи помутилися* РПК: 83.

«Содержательная часть». **Состав мотивов.** Севернорусская традиция включает все виды причитаний – похоронные, поминальные, свадебные и рекрутские, причем в чрезвычайно развитой форме, тогда как полесская вовсе не знает свадебных плачей; единственной записью (Г 570) в ней представлены воинские причитания, остальные тексты – это похоронные и поминальные плачи и единичные окказиональные, не связанные с погребением и поминовением (Г 618, Г 657, Г 667, Г 676). При этом между погребальными и поминальными причитаниями не всегда можно провести четкую границу, многие составляющие их содержательные элементы (мотивы) совпадают (восхваление умершего, жалобы на свою судьбу), так же как и многие поэтические приемы, формулы и фигуры (например, вокативные формулы), поэтому неудивительно, что эти два вида причитаний в сборниках и исследованиях обычно рассматриваются нерасчлененно. Тем не менее существуют мотивы, специфические для каждого из видов причитаний (в основном они определяются характером соответствующих обрядов). В особенности это касается севернорусской традиции, где, например, мотив приглашения умершего в баню и к поминальному столу сразу указывает на обряд поминовения. В полесских причитаниях таких однозначно связанных с обрядом мотивов мало, поэтому отнесение того или иного текста к категории погребальных или поминальных не всегда очевидно. К специфически погребальным плачам относятся такие мотивы, как «что же с тобой случилось?», «на кого ты обиделся?», «последний раз с тобою видимся», «новая хата», «вместо свадьбы похороны» и др., специфически поминальных мотивов фактически нет (можно к ним отнести, вероятно, мотив «вернись ко мне»), большая же часть мотивов может быть соотнесена как с погребальным, так и с поминальным ритуалом, например: «приди ко мне в гости», «приснись мне», «пришли мне весточку», «благодарность» и т. д. (подробнее см. ниже). Однако и общие мотивы в похоронных и поминальных плачах могут иметь разный смысл, например, мотив «встань» в похоронных плачах означает «встань, посмотри на всех, кто к тебе пришел, посмотри, какой праздник», а в поминальных – «встань, выйди из могилы и иди к поминальному столу».

Основная (содержательная) часть причитаний состоит из ряда относительно автономных блоков (или сюжетных мотивов, А.А. Зализняк называл их *ходами*), которые отличаются разной обязательностью и могут монтироваться в тексте причитаний относительно свободно. Эти мотивы при всей их автономности группируются в два семантически самостоятельных типа – мотивы, относящиеся к умершему (его уход, его жизнь, его заслуги перед родными, его смерть, его посмертное будущее), и мотивы, связанные с живыми родственниками (их сиротством, переживанием горя, будущими лишениями и т. п.).

Набор мотивов и характер их воплощения (образного и вербально-го) могут быть основой сопоставления разных культурных традиций причитаний. Например, в полесских причитаниях, как уже было замечено, вообще нет мотива бани, характерного для севернорусских причитаний, нет обращений к силам природы, стихиям (типа «подуйте, ветры, развейте снега (песок), расколи гробову доску, расступись земля») (и то и другое в севернорусских причитаниях – мотивы поминальных плачей). В полесских гораздо слабее представлен мотив дома.

В сборнике «Русские плачи Карелии», изданном под редакцией М.К. Азадовского, есть вступительная статья Г.С. Виноградова «Карельская причёт в новых записях» (РПК: 4–20), где дается перечень мотивов «широкого применения». Интересно сопоставить их хотя бы предварительно, в общих чертах, с составом полесских мотивов «широкого применения». Вот этот список-указатель: *выбор места («где искать?»); прилет вещей птицы; *приход смерти; гроб-жилище; **сиротская доля**; **вдовья участь**; *людские пересуды; передача поклона или вестей на тот свет; **приглашение мертвого в гости**; *обращение к стихиям с просьбой «открыть гроб» (или к гробовщикам); утрата надежды на свидание с умершим. Звездочкой здесь мною отмечены мотивы, не характерные для полесских причитаний; полужирным – мотивы, типичные для полесских причитаний; остальные – если и известны в Полесье, то не относятся к мотивам «широкого применения».

Если обратиться к перечню мотивов в указателе к вологодским плачам Е. Ф. Югай (Югай 2019: 519–526), то в нем также можно выделить немало позиций, отсутствующих или слабо представленных в полесской традиции, например: «покойник как потеря» (*Потеряла я потерюшечку, потеряла владу милую*. Ю 509), «покойник крепко заснул» (*Разбудись-ко ты, мамушка, ото сну богатырского, Пробудись-ко, мила ладушка, ты от сна крепкова, ты от дрёмы великие*. Ю 301); «время идет быстро» (*Ой, прожила я без мамушки, Ой, один годочек времечка, Ой, за десять показалось; Показалась мамушка дак девять денёчков за сорок годочиков*. Ю 291); «приглашение умершего домой» (*Мы пришли и приехали на святую могилушку и уведём тебя, голубушка, мы под резвые рученьки во светлую светлицу. И посадим тебя, сестрица, в святые суточки, за столы дубовые, И угостим тебе, сестрица, мы обедами вкусными, напоим тебя чаями ароматными и винами заграничными* Ю 460–461⁹); обращение к стихиям (*Дуньте, ве-*

⁹ Ср.: *Ой, ты пойдём-ко ты, мамушка, Ой да со мной, со горящицей, Ой, да во гости, во гостеньки, Ой, да ко мне, ко горящице, Ой, да хоть на суточки времечко! Ой, погедишь-то ведь, мамушка, Ой на моё живиницё, Ой, на моё красованицё!* (Ефименкова 1980: 106).

тры буйныя, со всех четырёх сторонушек. Да раздуйте, ветры буйныя, и крутую могилушку. И встань ты, родимая, да посмотри на нас, горе-горьких. Ю 465) и многие другие. Нет в полесских причитаниях и побуждения покойника попрощаться со всем белым светом, ср. волог. *Ты спростись, да родитель-матушка, Со лесам да со великими, Со болотам да со зыбучими, Со полям да со широкими, Со рекам да со глубокими, Ты с соседям да суседушкам, Ты с суседским малым детушкам, Как со мной да с сиротиночкой* (Разова 1994: 49).

Рассмотрим далее выборочно некоторые типичные для жанра полесских похоронных причитаний содержательные блоки, двигаясь от более обязательных к менее обязательным и по возможности проводя параллели с другими культурными традициями восточных славян¹⁰.

(1) **Событие смерти. Как же это случилось?** В народной традиции восточных славян смерть рассматривается не как личное событие умершего, а как событие, меняющее жизнь всей семьи, как перестройка семейных отношений и позиций, как перераспределение **доли** – не только материальной¹¹, а жизненной, семейной, социальной доли каждого члена рода (ср. *доля* в значении ‘судьба’, *тяжкая доля* и т. п.), а умерший вызывает не столько сочувствие к его участи, сколько упрек в совершившемся по его «вине» сломе семейной структуры (Седакова 1990; Адоньева 2004: 194–239). В причитаниях это представление о смерти не получает специального выражения, однако все содержание плачей, дихотомически распределенное между фигурами умершего и оставшихся в живых родственников, опирается на такое понимание смерти.

В причитаниях событие смерти по-разному трактуется в полесской и севернорусской традициях. В полесских причитаниях уход человека из жизни представляется как акт его собственной воли (ср. плач о дочери: *Дзетачка мая родная, рожса ты мая чырвоная, отцвел мой цветочек, отцебетала мая пташечка; зачем ты задумала нас покинуть* ППГ 350), а причину ухода видят в том, что покойник **обиделся** или **рассердился** на родных, ср.: *Дочечка моя, пчелочка! <...> Я ж тебе кормила и поила, А ты не схотыла со мной жить* Г 515; *Дочанька мая мілая, На каго ж*

¹⁰ Один из самых устойчивых содержательных блоков – так называемое **восхваление умершего** – был подробно исследован в недавней работе Л.Н. Виноградовой на материале погребальных и поминальных причитаний (для данного содержательного блока различие между ними несущественно) по всем восточнославянским традициям (Виноградова 2018), поэтому здесь этот мотив рассматриваться не будет. Остальные содержательные блоки так подробно не описаны.

¹¹ Ср. *ущерб*, с.-рус. *удолье, уголовье, ускотье* в хозяйстве после смерти хозяина (Сурикова 2018: 5–6).

ты нагневалась? Да не ўстанеш і не дасі савета. Ты ж мо нагневалась Шчо табе мы рады не шукалі? <...> Мо ты не схацела нам надакучаці... ППГ 370); Да раскажы, мой брацейка, Да раскажы, мой родненькі, шчо ж табе тут не панравілася, Шчо ж не спадалася? ППГ 400; Ох, мая сястрыца, Чаго ты на мяне нагневалася? <...> Да чым яны (дети) табе не ўгадзілі? ППГ 407; Ох, наш татанька! Ох, наш родненькі, Чаго ты ад нас так рана адыходзіш? Чаго ты на нас так нагневаўся? ППГ 461; Oj mij tyłeńki, o mij hołube! <...> Czoho ty nahniwawsia? Czyż ja tobi w czum nie dohodyła? Г 507; Братику, муй голубчыку, братику муй соколыку, на кого се вы гнів положылы? Чы се ж вы на мене, чы на мою матюнку, такую недолугу, Чы на мою матюнку, такую недосугу? Чы се ж вы на свого батюнка, такога нещаснаго, Чы на свойих братиков, таких нещаснаго, Чы на старшаго, чы на пудстаршаго... Г 510; Та на кого ж ти так і разгнівався? Та чы ти на свойих діточок ріднесеньких. Та чы ти на мене нещасну? Г 622. Этот мотив может быть выражен не только в форме вопроса, но и в форме упрека: Да що ми тобі зробили! Да що ми тобі винили! За що ти покинув нас? Г 688. Мотив обиды может сочетаться с представлением о сверхъестественной причине смерти: А де се на вас, моя матюнка, смертонька узялась? Чы вас зазульки одковалы, чы вас соловейки оццеталы? Г 509; иногда используется метафора срубленного дерева: Ти, мій дубе кучеравий, хто ж тебе раненько зсік, хто ж тебе подрубав? Г 687.

В полеских причитаниях (как погребальных, так и поминальных) часто звучит тема вины причитальщицы перед умершим родственником и **просьба о прощении** за нанесенную ему обиду или недостаточное внимание и заботу: Да звынить, моя матюнка, звынить, моя утюнка, звынить, моя голубонько! Да я ж до вас не ходыла, да я ж вам и дилечка не робыла, Да я ж вам, моя матюнка, постели не слала, Да я ж вам, моя матюнка, воды не давала... Г 509; Можэ, я тобі ны вгодыла, можэ, ны вслужіела, – Ны гнівайся, моя дружэнойко. Я ны відала, що на нас впады така тучійка, Що нас розлучыць навсігды. Г 542; Да ны гнівайся на нас, шо мы тыбэ ны догляділы. Г 558; Ой мамочко, протіть мне й вибачайте мне. Може, коли я вас обідила чимнибудь, моя щецетушечко любя. Г 578; Ой прости нам і вибачай, Може, ми тебе чим прогнівили, Може, в чім не послухали, Може, ми тебе не догляділи. Г 580; Ой, таточку мій ріднесенький, Да не ображайс на нас, Що ми тебе не врятували. Г 711; Тьоточко, моя родненька, Ти проті мені те, що я перед тобою виноватая, Та нехай же там тебе Господь пріме і мене ожидає. Г 744.

Мотив обиды или недовольства как причины ухода иногда присутствует и в с.-рус. причитаниях: Ой, ты, родимая мамушка, Ой, ты на что осердилася, Ой, ты на что огневилася, Ой, на меня, на горящую?

Е 107; *Что жё с ей-то случилось, Что же с ей-то соделосе, Не знать, на что осердиласе, Не знать на што прогневаласе; Мой родимой-то братилко, Ты на што осердивсе, На што избидивсе.* Ю 405–406. Однако чаще в севернорусских текстах наступление смерти объясняется злокозненным действием **персонифицированной Смерти**, которая подкралась к дому и забрала человека. *Да чтой у нас да случилось, Да что у нас получилось! Да подошла скоро смертонька! А пришла не сказаласе, Тебя взяла не спросиласе...* Е 133; *Допустили эту скорую смерётушку! Мы не заперли новых сеней решётчатых, Не задвинули стекольчатых околенок, У ворот да мы не ставили приворотцицьков, У дубовых дверей да сторожателей.* Б 25; *Попытала было, беднушка, Я сидеть, бедна горящица, У больной трудной постелюшки, Не пуцать да я смерётушки; Как злодийная смерётушка Не берет у мяя, у беднушки, Ни бессчётной золотой казны, Ни покруты моей цветной; Как берёт злодий-смерётушка Моего кормильца батюшка.* Б 55; *Я сидела нонь, печальна, призадумалась: В эвот час, бедна горяша, во минуточку, Допустила злодий-скорую смерётушку До родителя – желанной своей матушки. Я бы видела злодийку-душегубицу, Со оружья лиходейку застрелила бы, С пистолета я злодейку запалила бы! Она крадчи шла, злодейка-лиходеица, Ко крылечку ведь она не подходила, За вито она колечко не гремела; Малой пташечкой в окошко залетела И впотай она родитель уносила!* Б 66.

Полесским причитаниям неизвестен также популярный в севернорусских плачах мотив **защиты от смерти**: *Ты закрыла бы окошечко, Заложила бы воротичка, Не пускала бы смереточки, Обещала бы смеретушки Дать своих дойных коровушек И тягловитых лошадушек, Всю бы жирушку домовую Да всю запашечку годовую, А не давала бы смерётушки Своего сына бажёного.* РПК 68; *Што у нас-то случилось, што у нас-то соделосе. В людях век-то не водице, в добрых век не случаете. Пришла скорбь-то тяжёлая, постигла смёртка-та скорая. Она пришла, не спросиласе, Она взяла, не сказаласе, человека любимова. Кабы знали да ведали, дак откупили от смертоньки да дорожую-ту сестрицу. Не пожалели бы денежок, ни серебра, ни золота.* Ю 423.

(2) **Куда ты собрался? Куда ты отправляешься?** Универсальное представление о смерти как об уходе (отраженное и в языке, и в народных верованиях) имеет в причитаниях – как полесских, так и севернорусских – особый, специфический для этого жанра ракурс, связанный со способом перемещения умершего из одного мира в другой. С поразительной последовательностью в причитаниях развивается тема, или мотив **полета, отлета и прилета** и соответственно этому **птичий образ** умершего. Сравнительно редко вопрос, обращенный к покойнику, обходится без этого образа, например: *Ой, куди це ви виберайтеся, мій таточку!* Г 579; *Куда се ж вы идете, куда се вы отходыте? Куда се вы*

вбываєтесь, куда се вы одражаєтесь? Г 510; И куды ты наряжаєшься, И куды ты вбываєшься? Г 511.

Несравненно чаще об уходе говорится «куда ты улетаєшь (или улетел?)»: *Моя птичко отлетная! Одлетаєш ти од мене на чужую стороночку. Дитятко моє любее, птичка одлетная, птичка залетная. Одлетаєш ти од мене далеко, голубчику мій сизий Г 512; Отлетгъл ты от мене далеко, Не буду я теперь тебѣ бачить! Г 514; Моя дочка милая, моя птичка отлетная, Отлетила ты од мене на чужую стороночку Г 515; Залетишь ты од мене далеко, мое дитятчко. Г 518; Ой пырыкієньса соловэйком тай прылытыэ хоч до мынэ в гостѣ Г 545; Дитятко мое любое, Птичка отлетная, пташка залетная! Отлетаєшь ты от мене далеко, голубчик мой сизий – Откуль мини тебе выглядать и откуль тебе выжидать? Г 520; Будуть же пташкі із поврею вулетаць, То ми будом же синочка вугледаць. Ци ти вулеціш із журавлями? Ци ти вулеціш із голубами? Ци ти вулеціш із ластовками? Ой да не побычим му свого синочка... Г 610; Да скінься, мой татанька, салавейкам, Да прыляці раненька. Што я буду салавейка пытаці і цябе спамінаці. ППГ 52; Ой, мамачка мая, дарадчыца мая, Ой, куды ж ты на лета адлятаєш? Ой, куды ж ты на лета ўцякаєш? ППГ 123; Ох, мая ж мамачка, Ох, мая родная! Скуль я цябе буду дажыдаці, З якімі ты пташечкамі будзеш ляцеці? Чы з качачкамі? Чы з гусачкамі? Чы з жураўлямі? ППГ 132; Ой, мамка мая, Ой, залатая, Да ты ж ад нас улятаєш. Да усе птушачкі напралятаюць, А ты, мамка, уляцела на чужыначку. ППГ 166; Ах ты, мой Васілька, Ах, мой галубок. Куды ж ты ляцеці сабраўся зімою халоднаю? ППГ 198. Птичий образ покойника находит свое выражение не только в эпитетах и мотивах полета, но и в предикатах, относящихся к покойнику, таких как *цебетать* в значении 'говорить': *Ти ж міні нишо й ни розказав, Ти ж міні ни розцебетав... Г 687.**

Собственно вопрос «куда ты уходишь, в какую сторонку?», как и другие вопросы, остается без ответа; то неведомое пространство, куда уходят умершие, чаще всего никак не обозначается и лишь изредка получает обобщенное наименование чужой или далекой стороны: *Ой у яку ти доріженьку далекую одряжаєшься? Г 569; Да куди ж ти одряжаєшься, Да куди ж ти собираєшься, У якую слобидоньку? Г 594.* Ср. вологодский причет: *И увезут тебя, лада милая, Да в путь дороженьку страшную. В страшную да небывалую, Куда век-то не бывано, Да куда век-то не хажено.* Ю 417.

Часто в причитаниях обращается внимание на необычное («праздничное») убранство покойного, и тогда встает вопрос, не на свадьбу ли он (она) собрался или не в рекруты ли его забирают: *Ох, мує дьтзнуйко, мує дівучко хуроша! Кудэ тэ забывайіса в такейі хуроші уборі вбраласа? Цы ты так хутко възілыле збырайіш? Г 566; Чи це тебе у рекрути записали, –*

дак тобі ще не време, мій синочечку. Г 590. То же в северной традиции: Ты скажи, родитель-батюшко, Мне изведай, красно солнышко, Уж ты куды да снаряжаешься, Уж ты куды да сокручаешься: Во избу ли ты во земскую, Аль к обидни богомольной, Аль ко утрени воскресной? У тя пла-тьица не здешиши, И обуточка не прежняя; Сама знаю, сама ведаю, Што ты ешь да снаряжаешься Как во эту во дороженьку На родительську на буювку Ко сердечным ко родителям. Б 55.

И лишь в отдельных текстах место, куда уходит умерший, определяется в земных категориях (прямо или метафорически): Ох, мая ж мамачка, ты меня учила жить, А цяпер ты забралася ў тэ сяло, Дзе сонейка не грэе, Дзе ветрык не вее <...>. А ты ж у таку хатку забралася, Дзя няма ні вакон, ні дзвярэй ППП 143; Сэ було тэ доню ліпіэй мынэ пуховала, чім тэ така мулудая мала в сырі зымні гнэты Г 566. Ср. вологодские причеты с «земными» локусами: Ой, тошнёшенько, моя родимая мамушка! Ой, тошнёшенько, ты куда наредиласе? Ой, тошнёшенько, во могилу глубокую, Ой, тошнёшенько, во пески-те во жёлтыё! Е 140; Ой, ты крылышка изнаростила, Ой, ты перышка изнаводила – Ой, да уж ты хочешь, голубушка, Ой, да вспорхнуть да улити, Ой, ты во могилу глубокую, Ой, ты во жёлтыё песочки! Е 112 (как видим, идея полета свободно совмещается с могилой глубокой и желтым песочком как конечной целью полета).

В севернорусских причитаниях мотив «праздника», на который якобы собрался покойный, широко распространен, причем праздник понимается не обязательно как свадьба: Соколочек, родимой братец, Ты скажи-ко мне беднушке, Ты куда да снаряжаешься, Ты далеко ли отправляешься? Аль ко праздничку годовому, Аль на охотное гуляньце? РПК 67; Ты скажи, сестрица милая, Ты куда же снарядилася? Ты к которому же праздничку? На слыху да нету праздничка, На слыху нету Господнего. Ю 266; А нет, я вижу, ты не на веселое гулянье, Не в города поедешь дальние, А во сырую землюшку, Во глубокую могилушку. Ю 267.

(3) **Рано ты уходишь.** Мотив преждевременности ухода (особенно молодых людей) одинаково характерен для полесских и севернорусских причитаний (как погребальных, так и поминальных), но все-таки в севернорусских плачах он выражается более категорично и коррелирует с темой времени в свадебных причитаниях, которая, можно сказать, составляет их семантическую доминанту (Толстая 2011).

Примеры полесских причитаний: Хозяин мій дорогой! Небогато з тобою пожила, Наскоруй ты от меня убрався, Хозяин мій милый Г 517; Сыночок мій, красавец дорогой, Ты ж у мене був пригожий, Ты ж у мене був хороший, Да не багато ты зо мною пожив, Наскоренькуй ты од мене вобрался. Г 518; (плач о дочери) Ой ти ж моя роза повная, Як ти рано зацвіла да скоро й осипалася Г 592; (плач о брате) Як же ти скоро зацвів,

да скоро й осипався Г 604; (плач о сыне) *Та чого ж ти, моє й дитятко, Так же рано мене покинуло?* Г 621; (плач о матери) *Голубко моя! А чого ж ти ще так раненько вмерла, Чого ж ти больші не пожила?* Г 666; (плач о матери) *Ох моя матіночко, Ох моя маковочко! Чо ж ти так ранейко забралася?* Г 673; (плач о дочери) *Ох моє княгинко, На посаг не садоўлоне! Чо ж ти забралася так ранейко? Не дождалась свої слави, Не дождалась свої честі?* Г 683; *Ой дочечка й моя хороша, Ой чого ж ти так ранейко забралася?* Г 688; (плач о ребенке) *Ой дитиночко, моя дитиночко, Ой чого так скоро схилилося, Ой чого ж так скоро пошло на той світ?* Г 690; *Мої синочки, наші соколки! А наші веселики! Шо ви так рано од нас полетіли в вирій?* Г 740; *Ой мій синопьку дорогий, Чо ж тобі не було жити, І моя ж дитинонько, Як тебе без пори забрало, О мій синопчок молоденький!* Г 786; *Мій синопько! А моя ж дитинонько, Без пори ж тебе одірвало, Без пори зламало, Ой синопчка, ох дорогою!* Г 787; *Дачушка мілая, Што ж ты так раненька У адзенне малодухі апранулася, Ад усіх адварнулася?* ППГ 357; *Ох, мая Леначка, Ох, мая дочанька, Ох, мая каліна високая, хорошая! Хто ж тябе так рана зламаў?* ППГ 370; *Зарана, дочанька, зарана, родная, З белым светам прапрашчалася.* ППГ 374; *Мая ж сястрыца, Мая ж каліна, Мой ты з розы цяток, Чаму ж ты так рана асыталася? Чаму ты так рана завяла?* ППГ 415.

Севернорусские примеры с формульными оборотами типа *не в пору да не вовемя*: (плач о сыне) *Ой, моё красной солнышко. Ой, куда ты собрался. Почему так рано собрался. Не во время, не во времечко. Не в пору ты великую.* Ю 409; *Ой, моя любая подруженька. Ой, да я не чаяла да не ведала, Что придет-то к тебе, да И смертка да скорая. Не в пору, не во времечко.* Ю 416; *Што на тот, да на белый свет, Не в пору да не вовемя, Ты оставил же <...> Свою любую-то жену, Свого сына-сокола.* Ю 442; *Ты куда же снаряжаеессё, да Ты куда же собираеессё, да Ты не в пору да не вовемя, да Среди зимы холодныйё.* Ю 445.

В то же время в причитаниях присутствует мотив, как бы противоречащий идее преждевременности ухода близкого человека, а именно своего рода приятие смерти как закономерной **исчерпанности жизни** (особенно, конечно, при прощании с родителями и вообще старыми людьми): *Находились твои ножечки, Наробились твои ручечки, Очечки твои карые, Надивились твои очечки, Птичка моя отлетная, Отлетела ты от меня. Моя мамочка!* Г 513; *Моя мамонько, мая ягудонько коханая! Ручэнькы одробылы, нужэнькы одходылы да вжэ й на спокуй ідуць.* Г 561; *Вжэ ж, моя мамочко, Ваші ручки одробили, Ваші нужскі одходили... Вжэ ж ваші стежэчки заросли, Шчо ви до нас сходили.* Г 595.

(4) **Последний раз тебя видим. Прощай.** Сознание непоправимости случившегося и последнего момента присутствия дорогого человека, неизбежность расставания с ним окрашивает причитания очень силь-

ным эмоциональным напряжением, ср.: *Мамка мая дарагэнька. Кудá ж ты ўбирае́шса (вўбраласа). У якую ж ты вялику даро́гу? А куды́ ж ты это ужэ пашла́? А му ж цебе́ ужэ нико́ли не паба́чим. Ты ужэ нико́ли не прйдзеш. А му ж цебе́ нико́ли ужэ не приждо́м и не паба́чим* (ПА, Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл., зап. С.М. Толстой, 1983 г.).

Тема последнего момента и прощания почти обязательна для текстов как полесских, так и севернорусских плачей. Примеры полесских причитаний: *Ой голубчыку ты муй, Ужэ ты покидаеш нас, На кого ты оставляеш мене с дэтками; Да не скоро мы побачимся с тобою. Пасьлэдний раз мы с тобою бачимся.* Г 505; *Прощай, мій таточко, Прощай, мій родный! Пасьлэднее видение нам с тобою.* Г 514; *Прощай, прощай, моя дочечка, Прощай, прощай, моя пчелочка!* Г 515; *Мій сыночек, голуб мій дорогой! Разпрощалась я з тобою. Пасьлэднее мое виданіе с тобою.* Г 518; *Прощай, сыночек мій дорогой!* Г 520; (плач о муже) *Пасьлэдный дыньочок тобы я стылыла, З тобою побачылася, з тобою нарадылася.* Г 542; *Остатный дыньочок, остатный разочок ты бэ бачыла.* Г 545; *Остатный дэньочок, опушний разочок свою мамоньку бачу.* Г 557; (плач о брате) *А голубчик наш золотенький, А последняя нам минутка с тобою.* Г 650; (плач о матери) *Николи я вас не дождуса, Николи я вас не побачу. Пасьлэдний дэньочок, Остатня годиночка, Я з вами бачуса.* Г 674; *Остатный дэньочок, Остатный разочок я на тебе диўлюся.* Г 676; *А сонейка ясна-ясна свеціць, Толькі сне сёння цёмненька, Цёмненька да балюча: Апошні разок мамачку бачыла.* ППГ 167; *Дабранач, брацейка! У наследнюю гадзіначку Да ў наследнюю минутачку Я з тобою бачуса!* ППГ 400; *Пасьлэднюю минутачку, Пасьлэднюю гадзіначку Я з табою бачуса. Ох, дабранач, цётухна, Дабранач, мілая. Мы ж з табою больш не пабачымся, Мы ж з табою больш не пагаварым.* ППГ 447; *Ох, мамка мая дарагэнька, Я ж цябе ўжэ не паба́чу, Твайго го́ласа не пачу́ю...* (ПА, Великий Бор Хойницкого р-на Гомельской обл., зап. Л.Н. Виноградова, 1983 г.).

Примеры севернорусских плачей с мотивом последнего момента и прощания: *Ой, што пошла-то ведь мамушка, Ой из высококого терема, Ой, во послед, во последний раз! Ой, никогда не воротится, Ой, не пройдёт и не промелькнёт, Ой, не пройдёт, не протопает, Ой, по высокому терему! Ой, не увижу я, горькая, Ой больше милую мамушку, Ой, не услышу от мамушки, Ой, ласкового словечика!* Е 96; *Боле нам да не видывать, Голоску да не слыхивать От родимые мамушки.* Ю 434–435; *Боле сроду нам не видывати, Жызна голоса не слыхивати.* Ю 444; *Ой, ведь нам с тобой не видатися, Ой, нам ни утром ранішенько, Ой, нам ни вечером позднішенько; Ой, не пошлешь нам, сестрица, Ой, уж с того свету белого, Ой ты ни письма да ни грамотки.* Ю 502; *Да я больше тебя не увижу, Да голоску-ту твоего не услышу, Да ни зимой ни летом, Да ни днём и ночью.* Ю 509.

Необходимость расставания, горечь последнего момента естественно вызывают желание задержать уходящего еще хотя бы на некоторое время: *Послѣдній раз мы с тобою бачимся; Ой чого ты от нас уходиши, Чему ты еще с недільку не побув, Щоб мы с тобою поговорили* Г 505. Столь же понятно в этой ситуации желание выразить благодарность уходящему: *Дзякуй табе, матко, За тваё гадуваннечка, За тваё шкадуваннечка*. ППГ 136; *Дзякуй, матко, за гадаванне, Дзякуй, матко, за ўсё, за ўсякае за відаванне. Дзякуй, матко, за падарачкі, Што і сваімі ручкамі вытыкала, Да нам сундукі накладала* ППГ 139; *Ой, дзякуй жа табе, братка, за работу, Дзякуй табе, братка, і за заботу*. ППГ 404.

(5) **Новая хата.** Поэтический образ гроба и могилы как нового жилища покойника является, вероятно, самым заметным общим местом полесских и севернорусских причитаний, имеющим подчас дословно совпадающую, стереотипную форму выражения. Смерть представляется как переселение из большого, светлого, «веселого» дома в тесную хмурую хату без окон, без дверей. Полесские примеры: *Ой, синучку, моя дітиночку, Куди од мене одряжаеся? Да це ж хата і велика, і видная, А в сій ні дверечок, ні оконечок, Сонечко не грітеме І вітер не віятиме*. Г 523; *Ой, моя мамойко, яку ж ты хату собі выбрала: Ёй быз вікон и быз двырэй; Шо соньійко ны загріе і вітбор ны завіе*. Г 557; *Встаньте, мамо, да подивіця, Яку вам хату темну збудували, – Темну да невеселу!.. Темну і невеселу, Що і вітер не завіе, Сонце не загріе І голосок муй до вас не зайде!..* Г 595; *Мамочко, голубко, А яка твоя хата невесёла, А яка твоя хата тёмна, Без дверей, без окон*. Г. 646; *А чого тебе ця хата тисна, Шчо тебе зробили нову. Чи тебе, братко, не хотелось на сём свете быти, Да пошол в темноту*. Г 650; *Ох, куди ви вибираєтеся? У такую доріжейку Смутну, невеселу. У такую хвилиночку Смутну, невеселу. У такую хатиночку Темнейку та невиднейку, Де немає ні оконця І невидно сонця. Туди вітерко не завіе, А сонейко не загріе, А дрібний дощик То й не зайде*. Г 674; *Да яка ж твоя домовинка теперки. Да люди ж усі радуються, а ти ж то собрався. Да там же і темненько, да там же і невидненько...* Г 706; *Подивися, хата своя, Яка хороша, А ти вибрав отаку, Нашо ж воно тобі нужне? Там же ні сонця, Ні пташечка не заспіває, Ніде нічого ніяк...* Г 734; *Ах, дзіцятка, саколік мой родны, У такую дарожаньку доўгую сабраўся, У такую даміну цёмную пасяліўся, Цёмную ды халодную, Нікому не даходную*. ППГ 285; *Раскажы, цётхуна, Няўжо твая хата гэта Така невясёла, Шчо ты з ёю праічаеіся Да ў такую малую, Да ў такую цёмную Ты перабіраеіся?* ППГ 444; *А мая ты мамулічка! А чого ж ты не прасіла сваіх суседачак, Каб яны табе здзелалі хоць адно акошачка?* С 164.

Севернорусские примеры: *Ой, это вот тебе, мамушка, Ой, вот те новая горенка, Ой, тёмная без околенок. Ой, да на веки веиный!* Е 96;

Ой, тебе сделали, мамушка, Ой, тебе горенку новую, Ой, новую, без-оконную, Ой, без дверей, без окошечёк! Е 103.

При этом в севернорусских причитаниях присутствует еще один важный мотив, практически неизвестный полесской традиции, – мотив опустевшего, осиротевшего, ставшего чужим дома, дома, который посетила смерть: *Нонь гляжу-смотрю, печальна горепашница, Я на это на хоромное строеньцо, Повону стоит палата грановитая, Понутру стоит тюрьма заключевная. На слезах стоят стекольчаты околени, При обидушке косевцяты окошечка, Отшатилося крылечко перёное От этого хоромного строеньца; Разрешетились новы сени решётчаты...* Б 37–38. Нет в полесских текстах и мотива прощания покойника с родным домом и всем белым светом, ср. в севернорусском плаче: *Ты прощайся-ко, рождёно мое дитятко, С добрым хоромным построеньцем, Ты со новой, любимой своей горенкой, <...> Вы простите-тко, поля хлебородныи, Вы роскосисты луга сенокосныи!* Б 109.

(6) **Тот свет.** Как заметил уже А.Н. Веселовский, в причитаниях по существу нет картины потустороннего мира, куда уходит умерший, однако некоторое представление о посмертной судьбе покойника из причитаний все-таки можно получить. Прежде всего в них звучит беспокойство о том, кто позаботится об умершем на том свете, и в связи с этим нередко причитальница обращается к ранее умершим родственникам с просьбой принять нового жителя под свою опеку: (плач о муже) *Ой, моя дружэнойко кохана! Остатный дыньочок я тыбэ бачыла! Ой кто ж тыбэ там будэ глядіты, як я тыбэ гляділа? Ой мій дубочку зылэный! Ой мій господару мій старалнычку! Ой хто ж тынэр будэ старатыса за тыбэ?* Г 545; (плач о матери) *Ой хто ж вас там будэ глядіты, Хто вам будэ воды подаваты, як вам я подавала? Хто вас там будэ пудводыты й накрываты? Ой цы ж вы холоду ны бойітэся, цо йдэтэ в ту сырыцю.* Г 546; *Мое дитятко, мое квытятко! Хто ж тыбэ там буды глядіти, як я тыбэ гляділа? Хто тыбэ буды шкодоваты быз свэйі матюнке рыднэйкіі? До кого ты там прыхіельса, як ты там ныкого ны знайіш?* Г 551; (плач о дочери) *Ой, моя дытынойко, моя калынойко! Ой хто ж там тыбэ будэ глядіты? Допытайса там до діда, до бабы, цооб тыбэ там гляділы.* Г 553; (плач о дочери) *Ой, моя ты рыбойко, моя голубочко, дытятко ріднэе, Як тобі буды там, в тому домі буды жыщця?* Г 554; *Ой мамо, мамо, голубко! Ей нащо ви мене покинули, Ой з ким я буду хростосоватыця, Ой хто ж вам яєчко подасть?* Г 573; (плач о ребенке) *Ой дзіцятко мое ти, кветочко, Ой дзіцятко мое ти, пташеско! Ой леціш ти у поврей од мене... А хто ж тобі, дзецятко, там цицік дасть? А хто ж тобі, дзецятко, там молочка дасть? А хто ж тобі, дзецятко, там каші наварыць? А хто ж цебе пошкодує?* Г 612; (плач о дочери) *Ой мое й ти дитятко <...> Хто*

ж тебе буде там глядіти, Де ти собі матусю знайшла. Г 688; (плач о матері) *Ой, матінко ріднесенька, Ой нащо ти нас покинула? А хто тебе буде там доглядати? А хто тобі водичку буде подавати?* Г 709; *Мати, батько там тебе будуть зустрічатъ.* Г 727; (плач о сыне) *Матюно моя рідная, стрічай мого синочка. Оддаю я, матюно, до тебе свого синочка. Прибирай же ти йому містечка і пригортай ти його до себе.* Г 531; *Стрічайте, виглядайте мого синочка і пізнавайте, До вас іде у родину, Так його і захистіть, І ви пробачте йому, Що й не так, Допоможіть йому. І впізнавайте ж!* Г 757 (с. 457).

Сравнительно редко в причитаниях звучат вопросы о том, как на том свете живется родному человеку: (поминальный плач о брате) *Можя, табе там нявольненька? Ты нам не расскажаш. Можя, ў цябе там работы багата? А можя, табе цяжка, Шчо насыпалі сырое зямлі на цябе? Можя, ты там і гаворыш пастаянна, А мы не чуем? А можя, там цябе замарылі, А можя, ўтапілі, Шчо за семнаццаць гадочкаў Мы слова не пачулі?* ПППГ 403; *Як жа табе, цётухна, Тут спалася, як начавалася? Ці ты вячэрала, Ці ты снедала? Да раскажы, цётухна, Як там цябе страчالی: Чы з сур'эзам, чы з угрозам, Чы з ласкаю, чы з музыкаю? Устань, цётухна, устань, мілая, Да хадзі з намі снедаць...* ПППГ 449.

Иногда к ранее умершим родственникам обращаются с укором: *Татечко ріднесенький, <...> Та нащо ж ти синочка в мене одобрал?* Г 725; *Папо, встрічайте маму, йде... Передавайте привіт... Нащо ви забрали, Хай би це побула з нами...* Г 735 или с просьбой передать привет ранее умершим родным: *Ой, синочку мий, голубчику! Да накажи svojому батечку, як мені гірко жити* Г 590; *А мамко голубка, А мамко зеюлько, А передай татко привіт, А передай сестричкам привіт, Щоб на мене не сердилися...* Г 638; *Ти ж там зустрінешся з своїм родом, Та вони ж тебе там привітять... Там же тебе всі зустрінуть, Та ви ж там живіть дружненько, Передавай же їм усім привіт!* Г 743.

(7) **Упрек: «на кого ты нас оставил?»** До сих пор мы говорили о мотивах причитаний, относящихся к умершему, его уходу, его посмертному будущему. Это одна сторона семантической структуры причитаний. Другой комплекс мотивов обращен к тем, кто остается, к «сиротам» и их судьбе. Эти два комплекса неравноправны. Поскольку исполнителем причитания является осиротевший родственник, смысловой доминантой причитания как «высказывания» является, конечно, его душевное состояние, его переживание утраты и его беспокойство о своей новой жизненной ситуации, поэтому даже все рассмотренные выше мотивы, относящиеся к умершему, в действительности представляют собой лишь подступы к тому главному, ключевому вопросу, который неизменно присутствует в причитаниях и выражается упреком «на кого ты нас оставил?» (или «как мы будем жить дальше без тебя?») и разворачивается в

причитаниях в целую сеть мотивов, начиная от оплакивания собственной тяжелой участи, трудностей повседневного существования и кончая воспоминаниями о том, как было хорошо в прежней жизни, пока не наступила эта смерть. Сюда же по существу относится и тот аспект причитаний, который можно условно назвать восхвалением умершего, включающий перечисление его заслуг перед семьей и его добрых качеств. Этому последнему мотиву посвящена уже упоминавшаяся статья Л.Н. Виноградовой, где на основе восточнославянских текстов причитаний воссоздается образ «идеального семьянина», будь то отец, мать, брат, сын и т. д., и выделяются признаки и оценочные характеристики, формирующие этот образ (Виноградова 2018). Все сказанное касается как полесских, так и севернорусских причитаний, но между этими двумя традициями существует заметное различие: в севернорусских текстах «сиротские» мотивы (особенно психологические) занимают несравненно большее место и разрабатываются более подробно и разнообразно, чем в полесских, вообще отличающихся лаконизмом.

Полесские примеры: *Ой, голубчыку ты муй, Ужэ ты покидаеш нас, На кого ты оставляеш мене с дѣтками.* Г 505; *Матюнка, моя соколечко! Кому ж вы мене, моя матюнка, такую нещасливую вручае, На кого ж вы, моя матюнка, тепера мене покыдае? <...> Ой хто ж мене буде тепера, моя матюнка, учити, дилечка роботы?* Г 509; *Хто ж мене тепер буде поряжать, Хто мени порядок дават?.. Кому ты диток поручаеш, Кому ты их уручаеш?* Г 511; *Сыночек мій дорогій, Сыночек мій милый... Что ж ты то, сыночек, зробив, Як твоей хозяйки с дѣтками горевать. Як же ей их питати? Она ж не сдоляе коло них упадати... Як твоей хозяйки дѣло робить, коли твои дѣтки дробныя.* Г 516; *Ой, невісточко, нащо ти свою дружину такую молодую покинула? Да він же тебе жалував у жизни. Где ж він тепер найде таку, як ти в його була? Да запечалила ж ти його і заскорбила ти його. Да він тепер куды йде – дай не знає куди. Да він тепер закошлався, да він тепер задумався, Да він куды йде – дай не бачить куди.* Г 536; *Муй хозяйін коханий, муй жаданий! На кого ты своїй дзяткі покидаеш? Кому ж ты їх прыказовайеш – чы то дзядзьку, чы то брату? Хто їх буде глядзеці, хто буде загодовати?* Г 539; (плач о дочери) *Хто ж твойіх дыток сірот й мынэ будэ доглядати? Хто ж їх будэ й обшывати й опырати? На кого їх покідайіш такіх малэнькіх?* Г 556; *Мамко ж мая рудненькая! На кого ж нас покинула, Да куды ж нам тепер прыхіліцца, Да кому нам тепер пажаліцца. Ну да кому ж, мая мамочка, наше горе зызказать?..* Г 586; *Та мій хазяіну, мій рідненький. Та мій хазяіну, мій вірненький. Та нащо ж ти, хазяіну, мене й покинув? Та нащо ж ти мене й осиротив?* Г 622; (плач о муже) *А голубчик мой коханий, А куди ж ти мене покидаеш, А кому ж ти мене доручаеш, Шоб мене хто глядел. <...> А кому ж ти*

хозяйство доручаєш, А кому ёго кидати... Г 664; Хто ж міні буде кочити, Хто ж міні буде гурати? Де ж я гуралника найду. Де ж я кусяра найду? Г 687; На кого ж ти мене кидаєш. З ким же ж я буду жити, До кого ж я буду говорити? Г 698; Ой, хазяїну мій дорогий, ой, хазяїну мій золотий! Да нашо ж ти мене покинув, да нашо ж ти мене бросив? Да к кому ж я теперечки приткнуся, да кого ж мені просить? Г 706; Як жа нам гэта без цябе жыці? Да хто нашых будзе на поле коней вадзіці? ППГ 298; (плач о муже) Яўхім мой мілій! Друг мой любмый! <...> Што ж ты нарабіў? Чаго ж ты мяне адну аставіў? С 166.

Во многих случаях плакальщицы по контрасту с описанием тяжелой сиротской доли вспоминают прошлую счастливую жизнь: *Хазяїну мій дорогий! Я за тобою живучи дай одцарствувала, Й одцарствувала й одпанствувала. Як же я тепер житиму, Як же я тепер горюватиму?* Г 525; *Ой батеньку мій рідненький! Ми жили з вами, ми добро прийали, Тепер же ви все покинули і мене покидаєте.* Г 528; *Йіваноньку-золото! Дружыньонько шіра, міла мая. Бувало, ти мэнэ в яму за картопльою нэ пустыш. Ты мыні водэ прінэсэши, ты мыні й просо в ступі стовчїеш. Йіванонько, дружыньонько! Ск ты мынэ кідайш? Ск мы й ны нажліса й ны набуліса.* Г 555; *Братіку наш жалобнику, да хто ж нас теперечки жаловатиме, Ды ти... з тобою ж ми да некого не боялися, Ой, а тепер без тебе, братіку-сокоliku наш, осталися. Да тепер ми ж малоі дитины будем боятися.* Г 589; *Бывало ж ён, пакойнічак, адкуль едзя, То так не прыедзя. То бублічкаў, то балабушак – а ўсё дзеткам прывязе. Бывала, ляжаць спаць, ён савет мне дасць, Заўтра што мы будзем дзелаць. А цяпер жа хто мне дасць савет?* ППГ 214; *Ой, мая дочанька, мая памочніца, Мая мілая да ўдалая. Да ты мне памагала Усё рабіці: і падлогу мыці, І пасцель праслаці. Да ты мне цэла лета Дзялку абрабляла. А цяпер я буду гукаці і выглядаці, З якой мне стараны помачы ажыдаці.* ППГ 370.

После этих признаний опять следуют горькие вопросы и сетования, например: *Хазяїну, наш голубчику! Да ти ж хоч би нам розказав, Як нам землю пахати да орати, Да чим іі засівати. Ой хазяїну мій, сокоliku.* Г 588; *Хазяїнка мой любенькі, А што жа ты мяне кінуў адну, Да цяпера дзяцей аставіў. А што я цяпер буду дзелаць, А як жа мне расціці, А як мне гадаваці?* ППГ 191; *Ах ты, мой Васілька, Ах, мой галубок. Куды ж ты ляцеці сабраўся Зімою халоднаю? На каго ж ты дзетачак пакідаеш? Хто ж іх устрачаці будзе? У школу выпраўляці будзе? Якому ж суседчыку ты наказ даваў, Каб тваіх сіротчак даглядаў?* ППГ 198; *А мой браток, а мой галубок, А да каго ж я буду ездзіць? А да каго ж я буду хадзіць, А хто ж мяне будзе так глядзеці?* ППГ 401.

(7) **Вернись. Приходи в гости.** Вслед за этими упреками и сетованиями, как правило, появляется один из самых распространенных, почти обязательный мотив как полесских, так и севернорусских причи-

таний – призыв к умершему вернуться или хотя бы прийти в гости. По смыслу и логике обряда он более органичен для поминальных плачей, однако, поскольку в полесской традиции похоронные и поминальные мотивы строго не разграничены (в отличие от севернорусских), они могут быть приурочены и к одному, и к другому обряду. Примеры: *Ditki toji, kwitki! Poberyteś za ruczeńki, Pryjdite do mene na Welygdeń.* Г 508; *Ой моя мамонько, куда ты выбырайіса? <...> Прэйдзі до нас у гостэнойку ва Вылыкдынь, щоб разым розговітыса.* Г 552; *Донынько, моя дытынонько, прыдэ до мэна хоч в гостэ!* Г 562; (обращение к мужу) *Прыйдзі до мэна зобачітэ, як я буду хазяйкаваты.* Г 563; (обращение к дочери) *Ёк пужывэш дэ з нйділю, То прыйідэ, дитэнуйко, хоч ійдну нічку пырынучуваты до мэна.* Г 566; *Дитя моё, кохане моё, Миле моё, розмова моя, Прийди до мене, Одвідай мене, Роскажи ж ти мені все, Де ти і скуль будеш іти, С котроі дорожки тебе выгядати, Якою стэжкукою будеш іти, В яку шип(б)очку тебе выгядати?* Г 596; *Ой братіку мій ріднесенький! Да прлітай до нас в гостоньки, Да прлітай порадоньку давати...* Г 629; *Матінко, коли ж ви можете – до нас приходьте, Лиш можете – тоді й прійідіть, Ми ж вас будем ждаты...* Г 728.

(8) **Откуда тебя ждаты?** Чаще всего приглашение в гости принимает форму конкретного вопроса «откуда тебя ждаты, где тебя искать, с какой стороны высматривать?» В отличие от вопроса «куда ты уходишь (улетаешь)?», этот вопрос (*Откуда ты до меня прилетишь? Из какой стороночки минь тебе выгядаты? Из какой стороночки ты будеш идтишь?* Г 513; *Откуль мині тебе выгядаты и откуль тебе выжидаты?* Г 520) часто не остается без ответа, и ответ не ограничивается общим указанием на далекую чужую сторону, а предлагает некоторые возможные ответы, которые, правда, обычно называют земное место, где может появиться прилелевший покойник, а не локусы того света: *Відкіль тебе выгядати: Чи з-під високої могіли, чи з-під червоної калини? І як ти прлітатимеш: Чи соловеечком, чи горобеечком? І на которой ти груші сідатимеш, До я вийду тебе познавати* Г 523; *Да відкіль же мені тебе визирати: Чи з-за густих ліз, чи з-за бистрых від, чи з-за високих гір?* Г 525; *Ой діточки мої, чи ви за гори зайшли? Ой відки мині вас визирати, Ой відки мині вас дожидати? Чи ви до мене човником приплевете?* Г 537. Упоминания в этом контексте того света встречаются редко, ср.: *Ох, мая ж мамачка; ты меня учила жить, А цяпер ты забралася ў тэ сяло, Дзе сонейка не грэе, Дзе ветрык не веє. Зазулькаю куй і мне ў сне сніса. А ты ж у таку хатку забралася, Дзе няма ні вакон, ні дзвярэй; дороги к тебе не найду; прости; на што ты обиделась?* Г 143.

Иногда в подобных вопросах называются реальные «жизненные» локусы: *Откуль вони тібе выгядатімуць, чы ты іцімэши од бабы, чы на полі жатіміши?* Г 538; *Откуль я цебе выгядатіму. Чы ты прідзеш з*

косовиці, чы з орання Г 540; Откуль цібе я ждатыму: Чы то з ягудок, чы то с полоцця, чы то з жацця? Г 541; Ой скажы ж нам, наша матінко, Звідкіль тебе выглядати: Чы з гори, чы з долины, чы з високай могили. Г 580; Ой, мамка мая дарагая, Да аткуль жа тибe выглядаті, Да акуль жа тебе сустрекаті! Да ті із-за гаруддя, Да ті із-за варуддя! Г 586 (слова гаруддя и варуддя остались неясными); Видкіль выглядатимемо, Чы ти на поле поїдеш, наш таточку, пахати, Чы ти на поле поїхав орати, Соколику ти наш. Г 591; Аткуль же ти, дочечко, ко мне ў гості йцімееш? Ци ти, донечко, іс поля, Ци ти, донечко, с покоса? Ой дочечко, дочечко! Г 608; Да откуда тебе, братику, выглядати: Ой чы з гаю, чы із броду, чы з далекаго краю? Г 629; Откуль я тебе буду вигледати, А чы з клубу, чы с дороги, Чы з великай работи. Г 663; Та відкіля ж тебе й выглядати? Та відкіля ж тебе й выглядати, Відкіля ж тебе й сподівати: Та чы з гори, чы з долины, чы з чужої країни. Г 707. Понятно, что речь здесь идет о регламентированных приходах умерших с того света домой в определенные поминальные дни, однако в полесской традиции об этом говорится и в похоронных причитаниях.

Этот мотив, столь характерный для полесских причитаний, неизвестен севернорусским плачам, хотя в них так же, как и в полесских, звучат призывы к покойнику вернуться (*Ой да звала-то вель мамушку, Ой, да звала вель родимую, Ой, да в гості, во гостенькі* Е 106), однако в реальность их возвращения плакальщица не верит: *Ой, не увижу я мамушки, ой, не увижу родимья, Ой, ни в избе, ни на улочке, Ой, ни на печи на тёпльях, Ой, ни на лавке дубовья!* Е 104; *Охти-мнеченькі, да не придёт-то вель ба(тющо), Охти-мнеченькі, да он ни с кою сторо(нушки)* Е 128. Вместе с тем в севернорусских поминальных причитаниях разворачивается целый сценарий прихода умерших в гости в поминальные дни (неизвестный в Полесье) – с приглашением, угощением, баней, выпроваживанием гостей: *Приходи, родима мамонька, Ты на свой, да на урошный день. Мы тебя да дожидаемся. Для тебя да припасаемся.* Ю 480; *Вы приходите, гости милые, Да вы садитесь за столы дубовые, Да за скатерти за бранье...* Ю 491; *Приходи-ко в пару-баенку, Да тело белое да замаралось, Да платье светло запылилось да, приходи, да ты помоеши...* Ю 489; *Ты уйдёшь, родима матушка, На чужу да дальнюю сторону. Погости, родима матушка, Ты последние минуточки. Сорок дней да не стречалися, Сорок дней да не видалися.* Ю 496–497.

(9) **Когда мы с тобой увидимся?** Вопрос «откуда ты придешь?» часто сочетается с вопросом о времени прихода (это в большей мере характерно для украинских полесских текстов, чем для белорусских): *Колы ж нам йих выжыдаты, колы ж нам йих вызыраты? З якои ж вас сторонунькі, моя матюнко, Из якои ж вас крайионькі, моя матюнко...?* Г 509; *Та коли ж, хазяіну, я тебе дождуся? Та відкіля ж мені тебе й*

дождити, Та відкіля мені тебе виглядати? Та коли, хазяїну, до мене й прийдеши? Г 622; Да коли ж ти до нас у гості прибудеш тепер, Да відкиль же мені тебе визирати: Чи з-за густих ліз, чи з-за бистрих від, чи з-за високих гір? Г 525; Коли ж ви до мене в гостеньки придете: Чи ви на Рожество, чи ви на Пасху. Г 528; Да скажи мені, мій чоловіче, Коли тебе в гості дождуся я? Да скажи, мій чоловіче, якою ти стежкою будеш іти, До я її буду, мій чоловіче, промітять, До я буду м'ятою обтискать. Г 572; Звидки я тебе буду виглядати? Коли ж ти до мене прийдеши? Прийди до мене в гостиньку, Я буду тебе дождити. Г 672.

(10) **Приснись, пришли весточку.** Нередко в причитаннях желание увидеться с ушедшим родственником звучит в «ослабленной» форме, т. е. просьба прийти заменяется просьбой прийти хотя бы во сне: *Може, ты, мой сыночек, во снѣ приснишься? Так я тоди на твое личенько подивлюся.* Г 518; *Присныса мны, муе дятятко, прыходы до мэнэ, Потыш мынэ старую, порадь мынэ нужльвую.* Г 544; *Ой, коли б хоч приснилась коли-небудь нам, моя матінко! Бо ми ж тебе більш та не побачим.* Г 580; (плач о дочери) *Ой, ти ж моя пташечко, Хоч би ти во сні мені приснилась, щоб я не журилась. Хоч би я тебе во сні побачила, Щоб я без тебе не скучала!* Г 592; *Заснійса ж, матко, мнѣ у во снѣ. Да розкажи ж, матко, за што то мною поговори!* Г 606; *Да прасніся, татанька, Да раскажи нам, Як там цябя страчалі.* ППГ 52; *Матанька, мая зорачка, Присніся мне, мамачка, у снѣ І адкажи, мамачка, хоць што-небудзь Са мной пагавары...* ППГ 123; *Да прысніся, родненькі, Да папрыяй нам з таго савету, А ў снѣ пасаветуй нам, Як жа жыць, Каб мы цябе ўспаміналі І ніколі не забувалі.* ППГ 461.

В севернорусских причитаниях этот мотив дополняется темой «грамотки», которую покойник может послать своим близким; просьба прислать письмо встречается изредка и в полесских текстах, но далеко не так часто и развернуто, как в севернорусских, где не только от умершего ждут грамотки, но и сами пишут ему письма «слезами горькими»: *Напишу наказаньце. Пошлю поклон-челобитичю. Напишу жѣ я грамоту Не пером не чернилами. Своими слезами-то горькими.* Ю 204.

(11) **Возьми меня с собой.** Крайним выражением горя и отчаяния становится просьба к умершему забрать с собой оставшегося сиротой родственника: (плач о муже) *Прыймай и мене з собою, Щоб я не скыталась, По чужых полях не спотыкалась.* Г 511; *Матушка, моя родная, возьми мене з собою!* Г 519; (плач о муже) *Прошу я тыбэ, вызьмы й мынэ з собою: хай я ны мучымтыса одэ.* Г 545; (плач о дочери) *Ой, возьми мынэ з собою, то я буду тыбэ там глядіты!* Г 553; *Моя мамонько, моє сэрденько! Коло кого вжэ я тыпэр буду? Нащо вы нас кідаєтэ такіх малэнькіх? Ны баріцьця, прідіть нас забэріть з собою, як мы майімо тут страждатэ.* Г 561; (плач о дочери) *Ой (ім'я) мая дарагенька, Да не*

барися ж, верніся, Дай забори мене з сабою! Г 587; Голубка моя кохана, А забори меня, донька, з собою, Шоб я тут не мучылась. Г 648; А мой татка, мой родны, А з кім нас пакідаеш, А нас адных траіх, А нікога няма. А ты йдзеш, татка, да мамы, Забяры нас, татка, туды. ППГ 7; Ох, што я буду цяпер рабіці? З кім жа я буду смерці дажываці? А хто ж мне цяпер пасе, А з кім буду збіраць гатовае? Ох, Мікалаенька, вазьмі ж і мяне з сабою! ППГ 224.

Некоторые особенности языка причитаний. Язык причитаний, безусловно, заслуживает специального изучения во многих отношениях, поскольку он отличается от обиходного (разговорного) языка и лексикой (включает немало слов, не отраженных в словарях), и грамматикой – морфологией и словообразованием, и особенно синтаксисом. Прежде всего это касается севернорусских текстов, язык и стилистика которых уже не раз становились предметом специальных исследований и, тем не менее, нуждаются в дальнейшем изучении (по существу необходимы и словари, и даже грамматики этих текстов как особых языковых идиомов). Но это в какой-то степени относится и к полесским текстам, хотя они и не имеют столь ярких отличительных языковых черт. В данном случае я хочу обратить внимание на одну особенность полесских причитаний, сближающую их до некоторой степени с севернорусской причетью. Речь идет о явлении, которое я условно называю номинализацией предикатов, и – говоря шире – об усвоении предикативными единицами словаря в процессе отглагольной деривации некоторых именных категорий. В сильной степени эта черта присуща севернорусским текстам. Ср. фрагмент вологодского причитания: *Прилетите с неба, ангелы, И вы вложите в тело душеньку, Дайте в рученьки маханьчю, И в белы ноженьки сгибаньчю, Во уста да – говореньчю, В очи ясные – глядельничю* (Югай 2019: 181–182, запись 2011 г.). Здесь выделенные отглагольные имена не только семантически тождественны соответствующим предикатам *махать, сгибать, говорить, глядеть* (точнее, обозначают способность совершать указанные действия), но и воспринимают типичные для имен уменьшительные формы. Ср. еще текст из Карелии: *А ты вложи-тко, Богородица, Соколку-братцу родимому, Во резвы ножки хожденьице, В белы рученьки влаженъице, В ясны оченьки прозреньице, А во уста проговореньице* (РПК: 68–69) (соответственно: от *ходить, владеть, прозреть, проговорить*).

Мне уже приходилось писать об этом явлении в статье, посвященной языку севернорусских причитаний (Толстая 2012), там оно сопоставляется с аналогичными отглагольными конструкциями в карельских плачах. Однако наличие сходных явлений «номинализации» (и «уменьшительности») в полесских и особенно в западноукраинских причитаниях скло-

няет к мысли, что это и в севернорусских текстах скорее черта поэтики жанра, чем прямое влияние финно-угорской традиции.

Любопытная параллель преобразования глаголов по номинальному типу, т. е. приближение глагола к имени, обнаружилась в украинских (особенно прикарпатских) причитаниях. Там, в отличие от севернорусских форм, синтаксическая функция предиката (глагола) сохраняется, но оформляется он по номинативному типу, принимая, в частности, уменьшительные суффиксы, т. е. образуя уменьшительные формы глаголов (явление, вообще известное в славянских языках): *Моя дитиночко, моя ягідойко! Хто тебе там буде доглядатойки, Хто тебе там буде годуватойки? Чи ти не мало з ким житойки, Чи ти не мало свої мамунейки? Моя послужейко, моя пастушейко! Я гадала, що ты мені будеш пастойки, А ти пішло в сиру земляку гнитойки!* Г 818 (уменьшительные формы инфинитивов *доглядати, годувати, жити, пасти, гнити*). В других текстах употребляются и иные подобные формы: *виглядатоїки, робитойки, радитойки, сіятойки, ходитойки, винуватойки, приходитойки, оглядатоїки, розмовлятоїки, старатойки, сходитойки, лижатоїки (лежать), садитойки, порадитойки, дивитойки, видітоїки, житойки, збиткуватойки, вибиратойки, оратойки, сіятойки, познаватойки, ділатойки, прийматойки, пізнаватойки, покидатойки, дуглідатойки, робиточки, гнитки, робитки, робитоньки, визиратоньки* и т. п.

Среди полесских текстов таких примеров очень мало, что, возможно, не в последнюю очередь объясняется скудостью и случайностью подборок полесских причитаний. Но все-таки они есть: *Хазяїну, мий голубчику, Да ти ж обдумайся, Да не кидай малюсеньких діточок, Бо я не знаю, що з їми робитоньки* Г 588; *Матіночко <...> Трудненько житочки без вас. Матіночко моя родная, Як же трудненько мені житочки...* Г 777 (уменьшительные инфинитивы); *Як мне чужьсьм мамкам палажаць: Ці мне раньшым уставанійкам, Ці мне познім палажанійкам* ППГ 98; 136 *Дзякуй табе, матко, За твоё гадуваннечка, За твоё шкадуваннечка* ППГ 136 (уменьшительные *nomina actionis et abstracta*). *А куды ж мне пайсці, А куды ж падацца? Няма жыццейка без цябе, мой любенькі; Кругом пусценька і сухенька* ППГ 178 (уменьшительное *nomen abstractum*). Ср. еще аналогичные севернорусским уменьшительные формы отглагольных *nomina agentis*: *Мой доглядальничку! Мой доставальничку, як же ти мене шкодував, Як ти ж мене й виглядав, як я й одкуля й прийшла.* Г 714; *Моя дочечка родная, Твои ручечки работушечки – наробились они дгльечка.* Г 515; *Сонечко мое ясное, Ручечки мои пышныя, Ножечки мои ходушечки!* Г 513.

Как видно из примеров, уменьшительные глаголы попадают в активное поле действия уменьшительности, в ряд других уменьшительных форм (существительных, прилагательных, наречий) и как бы заражаются от них.

* * *

Предложенный в этой статье предварительный обзор полесских причитаний со стороны их коммуникативной, логической и семантической структуры и их сопоставление по избранным параметрам с севернорусской причетью, несмотря на явные, бросающиеся в глаза отличия между сравниваемыми традициями и несопоставимость корпусов имеющихся в нашем распоряжении полесских и севернорусских текстов, позволяет все же разглядеть явные общие структурные и семантические черты генетически единого жанра, а их несоответствия относить за счет вторичного развития обрядовых форм и содержательных мотивов и поэтических образов в традиции Русского Севера. Лаконизм полесской, а также украинской и белорусской причети, ограничивающей самыми необходимыми, жизненно важными мотивами (выпроводить умершего так, чтобы обеспечить безопасность его существования на том свете, с одной стороны, и благополучие остающихся «сирот» – с другой), как раз и составляет то структурное и семантическое ядро этого жанра, которое скорее и генетически является первичным. Тем самым мы можем согласиться с К.В. Чистовым, оспаривавшим архаику севернорусских причитаний: «В высшей степени спорна также гипотеза об архаичности наиболее развитых форм причети. Существовал ли в далеком прошлом некий “золотой” век максимального развития, за которым следовала только редукция, ослабление и распад традиции причети? <...> По письменным источникам в Древней Руси, как уже отмечалось, причеть, по-видимому, бытовала в формах, близких к украинским, т. е. минимально развитым, а не к севернорусским, максимально развитым. Следов значительно развитой традиции мы не находим и у западных славян. Мнение болгарских ученых о общеболгарском распространении в прошлом свадебной причети остается предположением, не подкрепленным никаким материалом» (Чистов 1982: 108).

Анализируя структуру текстов берестяных грамот, А.А. Зализняк выделил «две самых общих особенности этих писем, которыми в значительной мере определяются многие из их прочих свойств» (Зализняк 1987: 180). Эти главные особенности – во-первых, практическая целенаправленность: «древнерусские люди “брались за писало”, за редкими исключениями, лишь в связи с настоятельной и неотложной житейской необходимостью»; во-вторых, эти письма почти всегда лаконичны, причем лаконичность берестяных писем неверно было бы считать следствием деловитости или техническими трудностями писания – «очевидно, лаконичность берестяных писем была элементом культурной традиции соответствующей эпохи» (Там же). Нетрудно заметить, что эти же особенности присущи полесским причитаниям (в отличие от севернорусских).

При этом «практичностью» объясняется такая черта полесских причитаний, как четкая нацеленность на «правильное» перемещение умершего на тот свет ради обеспечения его дальнейшего покровительства, а лаконизм проявляется в некоторой сухости и деловитости разработки мотивов дальнейшего существования оставшихся живых (кто будет заботиться о хозяйстве, о детях, кто даст совет и предложит помощь).

В отличие от полесских, севернорусские тексты отнюдь не лаконичны. Хотя они в принципе преследуют те же цели, что полесские, их семантическая (мотивная) структура иная. Прежде всего в них иное соотношение двух главных участников «диалога» и их «текстов»: в полесской традиции тема покойника (его жизни, смерти и посмертной судьбы) и тема «сирот» (их переживаний и их жизни прошлой и будущей) более или менее равноправны и по объему, и по содержательному весу, тогда как в севернорусской традиции тема плакальщицы и ее «стороны» занимает несравненно большее и более важное место. В жанровом плане, как уже говорилось, в севернорусских плачах гораздо больше «сообщений», касающихся в основном состояния и действий самой плакальщицы. И в то же время обе эти традиции генетически родственны, и жанр причитаний в обеих из них безусловно архаичен в своих основах.

Литература и источники

Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Азадовский 1922 – *Азадовский М.К.* Ленские причитания. Чита, 1922.

Барсов 1872–1885 – *Барсов Е.В.* Причитания Северного края. М., 1872–1885. Ч. 1–3.

Барсов 1997 – Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 1. Похоронные причитанья; Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья / Изд. подгот. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997.

Варфаламеева 2008 – *Варфаламеева Т.Б.* Пахаванне // Традицыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Брэсцкае Палессе. У 2 кн. Кн. 1 / В.І. Баско (і інш.); ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. Мінск, 2008. С. 396–421.

Варфаламеева 2012 – *Варфаламеева Т.Б.* Пахаванне // Традицыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн. Кн. 1 / Т.В. Валодзіна (і інш.); ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. Мінск, 2012. С. 593–636.

Веселовский 2004 – *Веселовский А.Н.* Новые исследования в области русской народной поэзии. Статья первая. Русские похоронные причитания. Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Ч. I. М., 1872 // Веселовский А.Н. Работы о фольклоре на немецком языке (1873–1894). Тек-

сты. Опыт параллельного перевода. Комментарии / Сост., вступ. статья и комм. Т.В. Говенько. М., 2004. С. 24–89.

Виноградов 1940 – *Виноградов Г.С.* Карельская причеть в новых записях // Русские плачи Карелии / Под ред. М.К. Азадовского. Петрозаводск, 1940. С. 4–20.

Виноградова 2018 – *Виноградова Л.Н.* Человек в роли образцового семьянина (по данным восточнославянских причитаний // Образ человека в языке и культуре. М., 2018. С. 107–143.

Гиппиус 2004 – *Гиппиус А.А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из ракопок 1997–2000 годов. М., 2004. С. 183–232.

Ефименкова 1980 – *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. Между-речье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980.

Зализняк 1987 – *Зализняк А.А.* Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М., 1987. С. 147–182.

Коваль-Фучило 2012 – *Голосіння* / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012.

Коваль-Фучило 2014 – *Коваль-Фучило І.* Українські голосіння: антропологія традиції, поетика тексту. Київ, 2014.

Микитенко 2010 – *Микитенко О.* Балканослов'янський текст поховального оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика. Київ, 2010.

Невская 1993 – *Невская Л.Г.* Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры. М., 1993.

ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН.

ППГ – Пахаванні, памінкі, галашенні. Мінск, 1986.

Разова 1994 – *Разова И.О.* Похоронный обряд Белозерского района Вологодской области // Живая старина. 1994. № 3. С. 48–49.

РПК – Русские плачи Карелии / Под ред. М.К. Азадовского. Петрозаводск, 1940.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.

Седакова 1990 – *Седакова О.А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 54–63.

СМЭС 2 – Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М., 2003.

Сурикова 2018 – *Сурикова О.Д.* Представления о доле покойника в культурно-языковой традиции Русского Севера // Живая старина. 2018. № 2. С. 5–8.

Сысоў 1995 – *Сысоў У.М.* Беларуская пахавальная абраднасць. Структура абраду. Галашэнні. Функцыі слова і дзеяння. Мінск, 1995.

Толстая 2006 – *Толстая С.М.* Мотив посмертного хождения в верованиях и ритуале // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М., 2006. С. 236–267.

Толстая 2008 – *Толстая С.М.* Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 467–477.

Толстая 2011 – *Толстая С.М.* Семантика места и времени в севернорусской свадебной причети // Пространство и время в языке и культуре. М., 2011. С. 323–344.

Толстая 2012 – *Толстая С.М.* Заметки о языке севернорусских причитаний // Язык и прошлое народа: сб. научных статей памяти проф. А.К. Матвеева / Отв. ред. проф. М.Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 464–475 (То же в кн.: С.М. Толстая. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 298–305).

Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Голошение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И.Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 513–515.

Харитонова 1983 – *Харитонова В.И.* Восточнославянская причеть: Проблемы поэтики, типологии и генезиса жанра. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Харитонова 1986 – *Харитонова В.И.* Полесская традиция причитания на восточнославянском фоне // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 55–62.

Чистов 1982 – *Чистов К.В.* Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. В.К. Соколова. М., 1982. С. 101–114.

Чистов 1985 – *Чистов К.В.* Современные проблемы изучения причитаний восточных славян // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд». Тезисы докладов. М., 1985. С. 129.

Чистов 1990 – *Чистов К.В.* Забытая статья А.Н. Веселовского о «Причитаньях Северного края, собранных Е.В. Барсовым» // *Res Philologica*. Филологические исследования. Памяти Г.В. Степанова. 1919–1986 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1990. С. 453–459.

Чистов 1997 – *Чистов К.В.* «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым», в истории русской культуры // Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 1. Похоронные причитанья / Изд. подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997. С. 400–495.

Югай 2019 – *Югай Е.Ф.* Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке. М., 2019.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнения к корпусу полесских причитаний (по материалам ПА)

1. Ой мамка мая, ой зорка мая,
А де ж я тябэ ўже пабачу,
А кудю ты ўже йдimesь,
А кудю твае нўжки будуць йци,
Ох, мамка мая дарагэнька,
Я ж цябэ ўже не пабачу,
Твайго гóласа не пачую...

Великий Бор Хойницкого р-на Гомельской обл.

Зап. Л.Н.Виноградова. 1985 г.

2. Мамко мая дарагэнька
Куда ж ты ўбираешса (вўбраласа)
У якую ж ты вялику дарогу?
А куды ж ты это ужэ пашлá?
А му ж тебе ужэ никóли не пабáчим.
Ты ужэ никóли не прйдзеш.
А му ж тебе никóли ужэ
Не приждóm и не пабáчим.
А ты ж кинула вялику хáту.
А чагó ж ты саби нóвае, другéе хáты.

Комм. исполнителя: «Жáласный гóлас. Дак из бóку ўси лóдзи стаяць и плачуць. Як радня галóсиць, дак сялó тóпяць (так сильно плачут). Тая радня на ўсю гóлаву плачуць: из дóму ухóдзяць и на двур вунóсяць, и сялóm идúць, и як ў яму заkáпываюць - мóчно у нас галóсяць. Старéе причítывае, ўселяк причítывае».

Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл. Зап. С.М. Толстая. 1983 г.

3. Мамка моя дорогáя, золотáя.
Да прия́ла ж прия́тель мой,
Да прия́ла ж ты мне на ё́том све́те.
Да прия́й же с тогó све́ту.

Ручаевка Лоевского р-на Гомельской обл. Зап. Е. Либина. 1984 г.

4. А я ж к тебе в гóсти приéхала.
А чегó ты менé не стрекáешь, моя сестри́ца?
Да ти ты на менé рассерди́лась за чтó?
А что я тепёрь буду дéлати?
А хто ж менé тепёрь пришлé посьлóчку,
Да от когó я буду ждaть писемцá, моя сестри́ца?
Я ж остáлась однá, як зязю́лечк...

А кому ж я что расскажѹ свою правдочку?
 А ты менѹ через скóльки вре́мечко пришлѣшь посылочку?
 Да кому ж ты, моя сестри́ца,
 Да оставила своих гу́сочек и ку́рочек?
 Ма́мочка моя ро́дненькая,
 Да на что ж ты забра́ла от менѹ мою сестри́чку?
 (Вот что надума́ешь на го́лос на такой и сго́лосишь).

Челхов Климовского р-на Брянской обл. Зап. Л.М. Ивлева. 1982 г.

5. На кого ты мынэ покидыаеш,
 Соколичок риднынькый,
 Нывжэ тоби ны сподабалася
 Матырына пырыночка мякусинька,
 З гусочок, що бигалы коло хаты.
 Ны йды в сырую зымэльку,
 До зымэлькы-матёнкы,
 Хоть там и пысочок жовтэнькый.
 Прыхоть литом в гостынкы,
 Колы тыпленько ш ны змэрзнэш.
 Прыхоть до нас ничэнькою,
 Сэп сусиды ны бачылы.
 Ты ш живэш од нас ныдалэчынько.
 Одна быда: глубочынько.

Полагали, что гроб должен стать для покойника вторым домом: «Ходимо, дитятко, вжэ додому», – причитала убитая горем мать. Но если человек «одгакав додому» вечером, то причитающие женщины отговаривают его уезжать на ночь глядя, потому что «мисячыка на нэбовы ныма, тяжынько самому добыратыся до моглыцюв, а як зайдэ сонычко, то будэмо разом збыратыся в дорожэньку...» Встречается и такая мотивировка: «Ныхто тыбэ, ридный соколычок, ны пустыть в такую тэмнотэчку на нуч, в тыбэ ш очэнькы зара ны высёлы, ты можэш злякаты добрых людынок».

Андроново Кобринского р-на Брестской обл.
 Зап. К.С.Корнелюк. 1980-е гг.

6. Мамка мая, галубка,
 Глазки ж маи дорогие,
 Так кагда ж я тебя побачу.

Специально причитаюць у нас и у хате и у могилах. Причитают во время погребения: «На што ты меня пакинул, горевать с детьми малыми» Причитают у нас только старые бабы. После погребения совсем перестают причитатъ.

Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.
 Зап. Н.А. Волочаева. 1975 г.